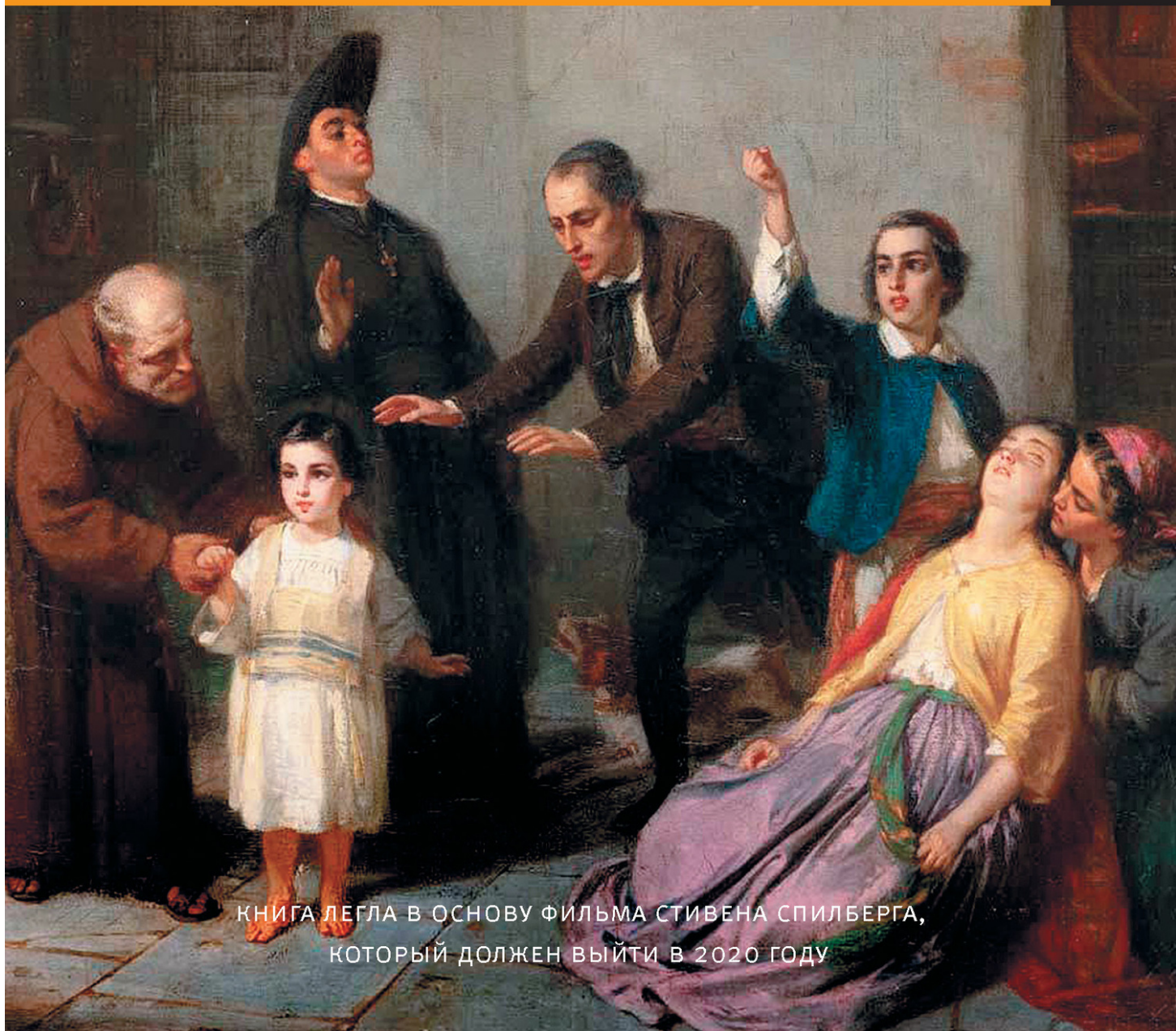

ДЭВИД КЕРЦЕР
*Похищение
Эдгардо Мортары*

[historia]

CoRpus

КНИГА ЛЕГЛА В ОСНОВУ ФИЛЬМА СТИВЕНА СПИЛБЕРГА,
КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН ВЫЙТИ В 2020 ГОДУ

Дэвид Керцер

Похищение Эдгардо Мортары

«Corpus (ACT)»

1997

УДК 94(450)"18"
ББК 63.3(4Ита)

Керцер Д.

Похищение Эдгардо Мортары / Д. Керцер — «Corpus (АСТ)»,
1997

ISBN 978-5-17-101766-8

23 июня 1858 года в Болонье шестилетний еврейский мальчик Эдгардо Мортара был изъят из семьи по приказу церковных властей. Борьба родителей за возвращение сына быстро перестала быть внутренним делом еврейской общины и проблемой католических иерархов – к ней подключились самые влиятельные люди своего столетия, включая Наполеона III и Ротшильдов, – и сыграла свою роль в ослаблении Ватикана и объединении Италии. Американский историк, специалист по истории Италии Дэвид Керцер воссоздает летопись семьи на фоне важнейших геополитических перемен в Европе. Погружаясь в водоворот событий бурной эпохи, читатель наблюдает за тем, как в судьбе одного еврейского мальчика отразилось зарождение современных представлений о личности и государстве, гражданской солидарности и свободе вероисповедания.

УДК 94(450)"18"
ББК 63.3(4Ита)

ISBN 978-5-17-101766-8

© Керцер Д., 1997
© Corpus (АСТ), 1997

Содержание

Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дэвид Керцер

Похищение Эдгардо Мортары

Посвящается моему отцу, Моррису Норману Керцеру, и моей дочери, Молли Эмили Керцер, с любовью и признательностью

David Kertzer

The Kidnapping of Edgardo Mortara

© David I.Kertzer, 1997

© David Lindroth, Inc., карты

© Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Италия в 1858 г.

Италия в 1861 г.

Пролог

Это был конец целой эпохи. Режимы, существовавшие столетиями, готовились рухнуть. На Апеннинском полуострове, в Италии, ветхий мир папства и традиционной власти с тревогой взирал на разномастных приверженцев Просвещения и Французской революции, а также поборников современной промышленности, науки и торговли. Горделивые борцы за старое и за новое смотрели друг на друга с опаской, совершенно не понимая друг друга. Каждая из сторон размахивала собственными знаменами, провозглашала собственные истины, чтילה собственных кумиров, возносила хвалу своим героям и обдавала презрением врагов. Революционеры мечтали об утопическом будущем, нисколько не похожем на гнетущее настоящее, либералы воображали новый политический строй, основанный на конституционном правлении, и даже консерваторы начали задумываться: а долго ли еще продержатся старые порядки? Рождались новые божества, появлялись новые предметы поклонения. В Италии из мозаики, сложившейся из обособленных герцогств, Великого герцогства Тосканского, Бурбонского и Савойского королевств, австрийских аванпостов и, наконец, самой Папской области, вскоре должно было возникнуть новое суверенное государство. Пока еще никто не знал, где именно пройдут его границы, и даже представить себе не мог, какой будет его природа. Поданным вскоре предстояло превратиться в граждан. Однако массе неграмотных крестьян так и не суждено было ощутить перемены на себе.

Нигде больше на Западе пропасть между старым и новым миром не была так велика, как в землях, принадлежавших папе-монарху. В самом деле, где еще владычество, опиравшееся на божественное право, могло бы укорениться так глубоко и найти себе столь же крепкое идеологическое обоснование, обрасти столь же зрелищными и сложными обрядами? Папа римский уже много веков оставался мирским государем, повелителем своих подданных, и границы его владений в 1858 году – дугообразно пролежавшие от Рима к северо-востоку, огибая Великое герцогство Тосканское, и далее тянувшиеся на север, ко второму по важности городу Папской области, Болонье, – были почти такими же, что и три с половиной столетия тому назад. Папа правил своим государством потому, что такова была воля Божия. Революционные представления о том, что люди должны сами выбирать себе правителей, что они вольны сами думать все, что им угодно, и верить в то, во что сами желают верить, – все эти идеи казались папству не просто ошибочными, а еретическими. Все это – происки Дьявола, козни франкмасонов и прочих врагов Господа и религии. Мир таков, каким ему предрешил быть Бог. Прогресс же – ересь.

Но хотя в 1858 году государство пап продолжало существовать, предыдущие семь десятилетий оказались для него далеко не безоблачными. В 1796–1797 годах, когда на Апеннинский полуостров хлынули французские солдаты, Папская область оказалась захвачена; в последующие годы двум папам пришлось покинуть Рим и отправиться в унижительную ссылку, а церковное имущество ушло с молотка, что позволило Наполеону набить сундуки. После падения Наполеона в 1814 году папа Пий VII вернулся в священный город и Папское государство было восстановлено, однако то, что прежде представлялось незыблемым порождением божественного порядка вещей, отныне выглядело страшно уязвимым. Всюду возникали заговоры против мирской власти папы, то и дело вспыхивали бунты. В середине века еще одному папе пришлось бежать из Рима – на сей раз из страха перед толпой, готовой на смертоубийство. Ему понадобилась помощь иностранных войск, чтобы вернуться к власти и затем держать оборону против собственных мятежных подданных.

Среди этих подданных (впрочем, в большинстве своем далеко не склонных к бунтарству) были и евреи – “папские евреи”. Хотя евреи жили в Италии задолго до того, как там появились первые христиане, им по-прежнему не удавалось избавиться от статуса чужаков, вынужденных

испрашивать разрешения оставаться там, где они издавна жили, словно речь шла о какой-то привилегии. При своей малочисленности – во всем Папском государстве евреев насчитывалось не больше пятнадцати тысяч¹ – они тем не менее постоянно присутствовали в сознании духовенства, так как занимали центральное (хоть и незavidное) место в католическом богословии. В евреях видели убийц Христа, и их неизменно жалкое существование служило ценным напоминанием для верующих. Вместе с тем когда-нибудь и им суждено было узреть свет истинной религии и влиться в нее, дабы приблизить возвращение Исккупителя. В XVI веке папы загнали евреев в гетто, чтобы пресечь распространение “заразы”. Христианам не позволялось входить в дома иудеев – евреи жили особняком. При этом гетто отнюдь не были лишены своих радостей и утешений. Там евреи жили собственной насыщенной жизнью – со своими общественными институтами, синагогами, раввинами и главами общин. У них случались свои ссоры и свои торжества – а главное, у них были свои собственные, дарованные Богом обряды и порядки, которые четко определяли каждый день жизни и каждую пору года.

Но евреи тоже увидели проблеск нового мира, когда французские войска, повсюду сеявшие веру в светскую троицу – свободу, равенство и братство, пройдя чуть ли не всю Европу, сломали ворота гетто и сожгли их на очистительном костре в назидание народу. После ухода солдат, порой под недобрые взгляды соседей-христиан, евреи – кто с ликованием, а кто и с ужасом – начали делать первые робкие шаги в сторону от того мира, который и для их предков, и для них самих долгое время оставался единственным ведомым миром.

Излагаемые здесь события, в своей совокупности образующие целый этап (странным образом забытый) в истории той борьбы, которая положила конец старому режиму, начались в 1858 году в славной своими портиками Болонье – по сути, в самом сердце ее средневекового центра с булыжными улицами и маленькими площадями. В то время на престоле Святого Петра в Риме сидел папа Пий IX, а Вечный город патрулировали французские войска. Двое из трех самых могущественных людей в Болонье были кардиналами: архиепископ, духовный глава города, и кардинал-легат, представлявший здесь папскую власть, то есть гражданский правитель. Третьим влиятельным человеком был военный – австрийский генерал, чьи войска (наряду с отрядами французов в Риме) следили за тем, чтобы шаткое папское правительство не рухнуло.

Прямо напротив штаба, где расположился генерал, по другую сторону улицы, стояла заслуженно знаменитая доминиканская церковь – Сан-Доменико. На этом месте скончался некогда сам святой Доминик, и там по сей день почтительно хранятся в раке его кости. Там жил инквизитор, на которого Конгрегация Священной канцелярии в Риме возложила обязанность искоренять ересь и защищать веру. В его задачи входило и наблюдение за тем, чтобы ограничения, наложенные на евреев, неукоснительно соблюдались.

В течение двух веков болонским инквизиторам не приходилось тревожиться из-за евреев, потому что в 1593 году папа римский изгнал из города и с прилегающих к нему территорий всех живших там евреев – числом около 900. Вслед за французской оккупацией, которая произошла в 1790-е годы, некоторые бесстрашные евреи вернулись на прежние места, но когда Папская область была восстановлена как государство, их статус снова оказался очень ненадежным, а само их право на проживание в этом городе оставалось более чем спорным. И все же в 1858 году в Болонье жило около 200 евреев. По большей части это были купцы, которым удалось обеспечить безбедную жизнь для своих семей. Помня о смешанных чувствах церковных властей по поводу их присутствия в этом некогда запретном городе, евреи не испытывали ни малейшего желания привлекать к себе внимание, а потому у них не было ни синагог, ни даже раввинов.

¹ Данные о численности еврейского населения в Папском государстве в середине века приводятся в: *Ministero del Commercio e Lavori Pubblici, Statistica della popolazione dello Stato Pontificio dell'anno 1853* (1857).

Подобно многим другим евреям, перебравшимся сюда из гетто в других городах, Момоло Мортара и Марианна Падовани Мортара приехали в Болонью из соседнего Моденского герцогства. Вместе с детьми и служанкой-католичкой они тихо и неприметно жили в одном из домов в центре города. Вскоре эту тишину и неприметность постигнет трагический конец.

Глава 1

Стук в дверь

Стук раздался в сумерках. Это случилось в среду, 23 июня 1858 года. Анна Факкини, 23-летняя служанка, спустилась по лестнице из квартиры Мортары и открыла парадную дверь. Перед ней стоял полицейский в форме и еще один человек, пожилой мужчина – судя по осанке, военный.²

– Здесь живет синьор Момоло Мортара? – спросил фельдфебель Лючиди.

Да, ответила Анна, но сейчас синьора Мортары нет дома. Он вышел вместе со старшим сыном.

Когда эти люди повернулись и ушли, служанка заперла дверь и вернулась в квартиру, чтобы доложить о тревожном визите своей госпоже, Марианне Мортаре. Марианна что-то шила за столом в общей комнате, а рядом сидели ее дочери-близнецы, одиннадцатилетние Эрнеста и Эрминия. Пятеро младших детей – десятилетний Аугусто, девятилетний Арнольдо, шестилетний Эдгардо, четырехлетний Эрколе и шестимесячная Имельда – уже спали. Марианна немного забеспокоилась, подумала – скорее бы вернулся муж.

Через несколько минут раздался шум шагов – кто-то поднимался по задней лестнице, куда можно было попасть из соседской квартиры. Марианна отложила шитье и внимательно прислушалась. Ее опасения подтвердились: теперь постучали с черного хода. Она подошла к двери и, не прикасаясь к ней, спросила, кто там.

– Полиция, – ответили ей. – Впустите нас.

Марианна, еще отчасти надеясь, что произошла какая-то ошибка, сказала полицейским (молясь о том, чтобы это уже не было известно им самим): они находятся сейчас возле задней двери той самой квартиры, куда стучались снизу несколько минут назад.

– Синьора, это неважно. Мы полицейские, и мы хотим войти. Не бойтесь, мы не сделаем вам ничего дурного.

Марианна отперла дверь ипустила двоих незнакомцев. Она не заметила других людей из наряда папской полиции: одни остались на нижних ступеньках, другие ждали на улице.

В квартиру вошел Пьетро Лючиди, фельдфебель папского отряда карабинеров и начальник полицейской команды, а за ним последовал бригадир Джузеппе Агостини в гражданской одежде. Один вид военных полицейских Папской области, непонятно с какой целью явившихся поздним вечером, вселил в Марианну страх.

Фельдфебель, которого отнюдь не радовала порученная ему миссия, увидел, что женщина сильно взволнована, и попытался ее успокоить. Вынув из кармана куртки небольшой листок бумаги, он сообщил ей, что ему необходимо уточнить кое-какие сведения о ее семье, и попросил назвать имена всех членов семьи, начав с мужа и себя, а затем перечислив всех детей в порядке старшинства. На Марианну напала дрожь.

Возвращаясь в тот приятный июньский вечер домой вместе с 13-летним сыном Риккардо с прогулки под знаменитыми болонскими портиками, Момоло очень удивился, когда увидел, что у его дома толкуются полицейские. Он поспешил подняться к себе в квартиру и обнаружил, что с его перепуганной женой разговаривают офицер полиции и еще какой-то незнакомый человек.

Когда Момоло вошел к себе, Марианна вскричала:

² Первоисточником, использованным для подготовки рассказа о событиях 23–24 июня 1858 года, послужили протоколы суда, состоявшегося в 1860 году над отцом Фелетти по делу о похищении, из ASV – FV. В числе других использованных источников есть и рассказ фельдфебеля Лючиди, датированный 8 августа 1858 года, который каким-то образом оказался в ASCIR.

– Ты только послушай, чего эти люди от нас требуют!

Фельдфебель Лючиди уже понял, что худшие опасения, связанные с его миссией, сбываются, но все-таки почувствовал некоторое облегчение, когда появился Момоло: с мужчиной как-никак иметь дело легче. Он вновь сообщил, что ему поручено выяснить, из кого состоит семья Мортара. Момоло, так и не добившись объяснения, к чему эти зловещие расспросы, принялся перечислять имена, называя самого себя, жену и каждого из восьмерых детей.

Фельдфебель сверял все имена со своим списком на листке. Отметив всех десятичленных семьи, он заявил, что теперь ему нужно увидеть каждого из детей. От такого требования испуг Марианны перерос в настоящий ужас.

Момоло указал на Риккардо, Эрнесту и Эрминию, собравшихся вокруг родителей, но попросил не тревожить остальных детей, которые давно уснули.

Фельдфебеля, возможно, и тронула эта просьба, но он непреклонно настаивал на своем. В конце концов супруги Мортара провели двух полицейских через собственную спальню, а за ними по пятам последовали трое старших детей и служанка. Там спал на диване-кровати шестилетний Эдгардо. Его родители еще не знали, что в списке, который имелся у фельдфебеля, имя Эдгардо подчеркнуто.

Лючиди попросил Анну увести из комнаты остальных детей. Когда они вышли, он вновь повернулся к Момоло и сказал ему:

– Синьор Мортара, я очень сожалею, но должен сообщить вам, что вы стали жертвой предательства.

– Какого еще предательства? – спросила Марианна.

– Вашего сына Эдгардо крестили, – ответил Лючиди, – и мне приказано забрать его.

Крики Марианны разнеслись по всему зданию, так что полицейские, выставленные перед входом в дом, вскоре сбежались наверх, в спальню. Старшие дети очень испугались и тоже потихоньку вернулись в комнату. Истерически рыдая, Марианна бросилась к постели Эдгардо и прижала к себе сонного мальчика.

– Если вы собираетесь отобрать моего сына, вам придется сначала убить меня!

– Наверное, произошла ошибка, – сказал Момоло. – Моего сына никто никогда не крестил... Кто это говорит, что его крестили? Кто говорит, что его нужно забрать?

– Я лишь действую в соответствии с приказом, – умоляюще произнес фельдфебель. – Я просто выполняю приказ инквизитора.

Ситуация, похоже, выходила из-под контроля, и Лючиди уже охватывало отчаяние. Позднее он написал в своем отчете: “Не знаю даже, как описать то действие, которое произвело мое роковое извещение. Могу лишь заверить вас, что я предпочел бы тысячу раз подвергнуться гораздо более серьезным опасностям при выполнении служебного долга, чем сделаться свидетелем такой душераздирающей сцены”.

Марианна продолжала выть, не отходя от постели Эдгардо, Момоло твердил, что все это – чудовищная ошибка, дети плакали, и Лючиди просто не знал, что делать. Оба родителя встали на колени перед окончательно смутившимся фельдфебелем и принялись умолять его во имя человечности не отбирать у них дитя. Немного смягчившись (и наверняка подумав, что во всей этой истории виноват инквизитор), Лючиди предложил Момоло вместе с сыном отправиться к инквизитору в находившийся неподалеку монастырь Сан-Доменико.

Момоло отказался: он боялся отдавать Эдгардо в руки инквизитора.

Лючиди вспоминал: “Пока я ждал, когда к отчаявшимся матери и отцу, которых охватил мучительный ужас, вернется рассудок, чтобы довести дело до неизбежного завершения, в дом начали приходить разные люди – то ли по собственному почину, то ли потому, что их позвали”.

Дело в том, что с разрешения Лючиди Момоло послал Риккардо оповестить брата и дядю Марианны и попросил его привести пожилого еврея, жившего по соседству, – Бонаюто Санг-

винетти, чье богатство и положение в общине, как надеялся Момоло, могли бы предотвратить надвигающуюся беду.

Риккардо помчался обратно в кафе, откуда они с отцом ушли меньше часа назад, и застал там двух своих дядьев – Анджело Падовани, брата матери, и Анджело Москато, мужа ее сестры. Позднее Москато так описывал эту встречу:

“Когда я сидел со свояком в кафе «Дженио» на виа Веттурины, прибежал мой племянник Риккардо Мортара, заливаясь слезами, и рассказал, что к ним домой нагрянули карабинеры и что они собираются похитить его брата Эдгардо”.

Оба родственника поспешили к дому семьи Мортара: “Мы увидели мать семейства в таком сокрушенном и подавленном состоянии, что словами не описать. Я попросил начальника жандармов объяснить мне, что тут происходит, и он ответил, что у него есть приказ (хотя сам приказ он мне так и не показал) от инквизитора, отца Пьера Гаэтано Фелетти, забрать Эдгардо, потому что мальчика крестили”.

Марианна была “вне себя от отчаяния”, вспоминал ее брат Анджело Падовани. “Она простерлась на диване, который служил еще и кроватью, – на диване, где спал Эдгардо, и крепко прижимала его к груди, чтобы никто не мог отнять у нее мальчика”.

Пытаясь что-нибудь придумать, чтобы полиция не забирала Эдгардо, Падовани и его свояк убедили фельдфебеля не уводить мальчика до тех пор, пока они не посоветуются со своим дядей, который живет неподалеку. Этот дядя – отец брата Марианны, тоже носивший имя Анджело Падовани, – все еще работал в этот час в принадлежавшем ему маленьком банке, в том же доме, где он жил.

Услышав от племянников о драматических событиях в доме Мортара, синьор Падовани решил, что их единственная надежда – личная встреча с инквизитором. Молодой Падовани побежал обратно, чтобы известить фельдфебеля о необходимости продлить отсрочку, а старший Падовани и Москато тем временем отправились в монастырь.

В одиннадцать часов вечера они приблизились к грозным воротам Сан-Доменико и попросили стражу отвести их к инквизитору. Несмотря на поздний час, они торопливо поднялись в комнату инквизитора. Они принялись умолять отца Фелетти объяснить им, почему он приказал полиции забрать Эдгардо. Стараясь говорить ровным тоном и надеясь успокоить своих посетителей, инквизитор сказал, что мальчика тайно крестили, хотя кто именно это сделал и как ему стало об этом известно, он сообщить им не может. Как только известие о крещении дошло до церковных властей, они отдали ему указания, которые он теперь выполняет: поскольку мальчик стал католиком, ему нельзя воспитываться в семье иудеев.

Падовани отчаянно запротестовал. Это крайне жестоко, сказал он, отнимать ребенка у родителей, даже не дав им возможности как-то защититься. Отец Фелетти ответил просто: не в его власти уклоняться от исполнения приказа, который ему поступил. Родственники Эдгардо просили открыть им, почему он думает, что мальчика крестили, ведь никто в семье ничего об этом не знал. Инквизитор ответил, что он не вправе предоставлять им подобные объяснения, так как эти сведения не подлежат огласке, однако они могут не сомневаться, что все делается по закону. Для всех будет лучше, добавил он, если члены семьи просто смиряются с неизбежным. “Я действовал в данном случае далеко не бездумно, – сказал он, – а, напротив, по совести, ибо все совершалось в полном соответствии со священными канонами церкви”.

Видя, что отца Фелетти невозможно склонить к пересмотру приказа, просители умолили дать семье хоть небольшую отсрочку, не отбирать мальчика сразу. Они просили повременить хотя бы один день, прежде чем предпринимать какие-либо действия.

“Сначала, – вспоминал позднее Москато, – этот каменный человек ответил отказом, и тогда мы попытались живописать ему чудовищное состояние матери, у которой на руках грудной младенец, и рассказали об отце мальчика, который от горя едва не обезумел, и о восьмерых

[sic] детишках, которые цепляются за колени родителей и полицейских, умоляя не отнимать у них брата”.

В конце концов инквизитор смиростивился и дал им 24-часовую отсрочку, надеясь, что за это время кто-нибудь убедит обезумевшую мать выйти из квартиры, а значит, удастся предотвратить скандал, грозивший нежелательными общественными беспорядками. Он взял с Москато и Падовани обещание, что никто не будет подстраивать “исчезновение” мальчика (обещание они дали, но с явной неохотой).

Отец Фелетти позднее рассказывал, о чем он думал тогда, взвешивая в уме риски, которыми чревата такая отсрочка. Он прекрасно знал о “суевериях, в коих погрязли евреи”, а потому боялся не только того, что “ребенка выкрадут”, но даже и вероятности, что его могут “принести в жертву”. Подобные мнения были широко распространены в Италии той поры: многие считали, что евреи скорее убьют собственных детей, чем согласятся на то, чтобы те выросли католиками. Инквизитор не хотел рисковать. В записке для Лючиди, которую он вручил Падовани, он приказывал фельдфебелю не спускать глаз с Эдгардо.

Тем временем дежурство в квартире Мортара продолжалось – в дом стекались все новые люди, друзья и соседи. Среди них был ближайший сосед семьи Мортара, 71-летний Бонаюто Сангвинетти. Как и Момоло, он был переселенцем из еврейской общины города Реджо-Эмилия, расположенного неподалеку, в Моденском герцогстве. Сангвинетти уже спал, когда Риккардо, сперва разыскав обоих дядьев в кафе, пришел к нему домой и рассказал о случившемся его слуге.

Сангвинетти рассказывал о первых минутах после того, как его разбудил слуга: “Я подошел к окну и увидел, что под портиком вышагивают пятеро или шестеро карабинеров. Вначале у меня в голове все перепуталось: я решил, что они явились за кем-то из моих собственных внуков”.

Он побежал к Мортара: “Я увидел обезумевшую от горя мать, заливавшуюся слезами, и отца, который рвал на себе волосы. Дети стояли на коленях и умоляли полицейских пожалеть их. Это была просто неопишуемая, невыносимая сцена. Больше того – я своими ушами слышал, как фельдфебель полиции, его фамилия была Лючиди, сказал, что лучше бы ему приказали арестовать сотню преступников, чем забрать этого мальчика”.

В половине первого ночи мрачное бдение в доме Мортара прервало появление Москато и Падовани. Они размахивали листком бумаги, который удалось получить от отца Фелетти. Фельдфебель Лючиди поразился тому, что этим евреям удалось чего-то добиться от инквизитора. Он предполагал, что в ту же ночь уйдет отсюда вместе с мальчиком.

Позже фельдфебель вспоминал:

Я понял, что синьор Падовани – образованный и достойный, судя по манерам, человек. Единоверцы смотрели на него с большим уважением и явно рассчитывали на его помощь. Наверняка у них были для этого все основания, ведь добиться отсрочки в выполнении указа сумел бы только очень влиятельный человек. По моему мнению, никто другой не добился бы такой отсрочки – ведь, как я потом услышал, приказ исходил с высочайшего уровня и даже сам отец-инквизитор не вправе был что-либо тут изменить.

Уходя, фельдфебель оставил в доме сцену, которую сам описал как *teatro di pianto e di afflizione* – “театр слез и скорби”. Помимо десяти членов семьи Мортара и двух полицейских, оставшихся сторожить Эдгардо, там оставались брат Марианны, ее свояк, ее дядя и еще двое друзей семьи.

Момоло испытал облегчение, когда услышал об отсрочке. Как он говорил позднее, она дарила им хотя бы “лучик надежды”. Однако радость его померкла, когда оказалось, что,

выполняя указание инквизитора не спускать глаз с Эдгардо, фельдфебель велел двум полицейским ни на шаг не отходить от ребенка и оставаться в спальне супругов Мортара.

Это была ужасная ночь для Момоло и Марианны: «Оба полицейских оставались в нашей спальне. Время от времени стража сменялась. Можно себе представить, как мы провели ту ночь. Наш маленький сын, хоть и не понимал, что происходит, спал урывками, то и дело просыпался с плачем. А рядом с ним все время сидели солдаты».

У семьи оставалась одна-единственная надежда – найти кого-то, обладающего достаточной властью, чтобы аннулировать приказ инквизитора. В Болонье было только два человека, которые, по мнению мужчин из семей Мортара и Падовани, могли бы иметь такие полномочия: кардинал-легат Джузеппе Милези и городской архиепископ – кардинал Микеле Вьяле-Прела (знаменитая, хотя и неоднозначная личность). Окрыленные дипломатическим успехом, какой одержали свояк и дядя Марианны прошлой ночью в Сан-Доменико, Момоло и Марианна упростили их взять на себя эту новую миссию. И утром 24 июня те отправились обивать новые пороги.

Идти было недалеко. Собственно, накануне вечером, когда запыхавшийся Риккардо принес известие о беде, нависшей над Эдгардо, Анджело Москато как раз сидел в тени внушительного здания, где работал кардинал-легат.

Громадный правительственный дворец, старинное Палаццо Комунале, высился над главной городской площадью Пьяцца Маджоре. Это здание служило городской ратушей с 1336 года, хотя его продолжали достраивать в течение еще двух столетий. Оно гораздо больше походило на крепость, чем на административный центр. Открытие дворца совпало по времени с завершением строительства обширной и монументальной городской стены. Эта стена, достигавшая девяти метров в высоту и имевшая более семи с половиной километров в длину, неровным кольцом опоясывала старый город. Каждую ночь огромные ворота запирались на засов, защищая жителей (и правителей) города от врагов. В те времена, когда сооружались дворец и оборонительная стена, Болонья являлась самостоятельным городом-государством и среди прочих воевала с папскими войсками, стремившимися покорить ее. В конце концов город проиграл в этой борьбе, и в 1506 году, когда папа Юлий II торжественно вступил в Болонью, и сам город, и прилегающие к нему земли были включены в состав Папского государства.

Джузеппе Милези Пирони Ферретти приехал в Болонью всего двумя месяцами ранее: в 41 год он был одновременно назначен кардиналом и отряжен легатом в Болонскую провинцию. 30 апреля 1858 года он прибыл в Болонью, чтобы вступить в новую должность, и его встретили с подобающими церемониями, а размещенные в городе австрийские войска дали в его честь артиллерийский залп. Кардинал занял служебный кабинет и жилую квартиру в правительственном здании.

Однако далеко не все в Болонье радовались приезду кардинала-легата: в городе царила давняя неприязнь к папской власти и австрийским войскам, уже много лет насильно поддерживавшим здесь эту власть. Энрико Боттригари, один из болонцев, подпавших под влияние идей Рисорджименто – движения за национальное объединение, которое в уже не столь отдаленном будущем поможет изгнать Милези из города, – так описывал прибытие кардинала-легата:

Не успел он прибыть в свою штаб-квартиру, как старший сенатор Болоньи уже явился, на дипломатический манер, засвидетельствовать ему почтение, и его примеру последовали многие знатные лица и граждане – все те, кто привык кланяться представителям власти! Видевшие нового легата говорят, что – по малой мере на первый взгляд – человек это холодный, как лед, и не наделенный большим умом.³

³ Enrico Bottrigari, *Cronaca di Bologna*, vol. 2 (1960), p. 419.

Инквизитор заранее предупредил и кардинала Милези, и архиепископа о планируемом изъятии еврейского мальчика из семьи. Когда Анджело Падовани и Анджело Москато подошли к воротам резиденции кардинала-легата, им сообщили, что его преосвященства нет сейчас в Болонье. Им ничего больше не оставалось, кроме как попытаться увидеться с другим человеком, способным, по их мнению, помочь им, – с архиепископом болонским, грозным Микеле Вьяле-Прела.

Опять-таки им не пришлось далеко идти: архиепископская резиденция, примыкавшая к собору Сан-Пьетро, находилась буквально в нескольких шагах от правительственного дворца. Ни Падовани, ни Москато не питали особых надежд, потому что за то недолгое время, что знаменитый кардинал пробыл в Болонье, он успел приобрести репутацию вождя церковного движения, противостоявшего либерализму, ревнителя очищения религии и нравственности, друга инквизиции и решительного борца за сохранение статуса папы как мирского правителя.

Прошлой ночью, когда семейство Мортара и их друзья из крошечной еврейской общины Болоньи собрались у них дома, отчаянно силясь придумать, как же помешать полиции забрать Эдгардо, Сангвинетти подбросил мысль: а что, если попытаться подкупить церковных иерархов? Такое предложение никого особенно не изумило: в прошлые века итальянские евреи время от времени прибегали к подобной стратегии, и она успешно срабатывала, даже с папами. Но сейчас никто не обольщался напрасной надеждой: Вьяле-Прела – не из тех, кто клюет на деньги.

Впрочем, у Падовани и Москато даже не появилось возможности проверить это, потому что у дверей архиепископа их ждал тот же прием, что и у кардинала-легата: им сказали, что архиепископ куда-то уехал из Болоньи и его весь день не будет дома.⁴ Когда священник, с которым они разговаривали, услышал, по какому неотложному делу они желают побеседовать с архиепископом, он только воздел руки и сказал, что даже не представляет, как быть.

Наступил полдень, время неумолимо бежало. Анджело Москато сдался: “Видя, что никакой надежды не осталось, мы решили предоставить все злополучной судьбе. Я решил не возвращаться к Мортара, чтобы не терзаться понапрасну”.

В квартире у Мортара атмосфера накалилась до предела. Утром туда пришла сестра Марианны Розина и увидела Марианну, которая по-прежнему не выпускала из объятий Эдгардо и непрерывно рыдала. Когда Розина подошла к Эдгардо и попыталась утешить его, он поцеловал тетю и, показав на полицейских, которые не отходили от него ни на шаг, сказал ей просто: “Они хотят меня забрать”.

Розина сделала единственное, чем, по ее мнению, могла помочь: она отвела племянников и племянниц к себе домой, к собственным шестерым детям. “Мне захотелось избавить их от печального зрелища, они и так насмотрелись на мать в ужасном состоянии”, – объясняла она.

Итак, Розина увела детей, а мужчины, собравшиеся в квартире, решили, что пора что-то делать с самой Марианной. Она провела всю ночь на диване вместе с Эдгардо, не выпуская его из объятий, и по-прежнему не желала разлучаться с ним ни на минуту. Родственники с ужасом думали о том, что произойдет, если она будет оставаться дома, когда ночью явятся карабинеры и попытаются вырвать сына из ее хватки. А еще они боялись за маленькую Имельду, давно кричавшую от голода: мать, поглощенная своим горем, словно не слышала ее криков.

Момоло рассказывал: “День проходил в страхе и тревоге, и, видя жену в таком плачевном состоянии, можно сказать почти обезумевшей, я решил, что лучше будет увести ее из дома, чтобы она не видела, как придут забирать мальчика, иначе это просто убьет ее”. Пятидесятидвухлетний друг семьи Мортара Джузеппе Витта – тоже еврей из Реджо, который жил в Болонье неподалеку от четы Мортара, – предложил отвести Марианну к себе домой, где его ждала

⁴ На самом деле оба кардинала тот день провели вместе: они ездили в город Сан-Джованни-ин-Персичето. См. Giuseppe Bosi, *Archivio di rimembranze felsinee*, vol. 3 (1858), p. 309.

жена. Вместе с братом Марианны Витта целых два часа пытался убедить ее, что для нее же лучше будет уйти сейчас из дома: здесь она все равно ничего не сможет изменить, а продолжая вот так убиваться, она ставит под угрозу здоровье Имельды.

Наконец, Марианна уступила их настояниям, но Витте пришлось еще долго ждать, потому что она никак не могла оторваться от Эдгардо и продолжала осыпать его поцелуями. Мужчины пришлось буквально на себе вынести ее из дома и внести в закрытую карету, потому что силы ее покинули. По рассказам служанки, когда Марианну выносили, она плакала так громко и жалобно, что у всех, кто это слышал, просто сердце разрывалось. Весь недолгий путь до дома Витты Марианна кричала так пронзительно, что, хотя экипаж был крытым, по всей округе люди слышали тревожный шум и подбегали к окнам.

У Момоло осталась одна надежда – на самого инквизитора. Только он мог бы предотвратить надвигающуюся катастрофу. В сопровождении Анджело, брата Марианны, Мортара отправился в Сан-Доменико.

В пять часов вечера они подошли к монастырю, и их провели к инквизитору. Момоло громким, но дрожащим голосом заявил, что история с предполагаемым крещением его сына – это ошибка, и попросил отца Фелетти сообщить ему, на каком основании он полагает, будто его ребенка кто-то крестил. Инквизитор уклонился от прямого ответа. Правила Священного трибунала соблюдены в полной неукоснительности, ответил он, и нет никакого смысла требовать дальнейших разъяснений. Когда Момоло попросил о новой отсрочке, отец Фелетти возразил, что от нее не будет никакого прока.

Момоло не должен ни о чем тревожиться, продолжал инквизитор, ибо его сына ждет хорошее обращение: более того, маленький Эдгардо попадет под личное покровительство самого папы римского. Он посоветовал ему собрать одежду для мальчика и сказал, что пришлет за ней кого-нибудь. Еще инквизитор предупредил: если случится скандал, когда за Эдгардо явится полиция, то это не принесет добра никому.

Вернувшись домой, Момоло понял, что времени у него осталось совсем мало. Дом опустел. Марианну с крошечной Имельдой увезли к супругам Витта, остальные дети находились пока у тети. Другим родственникам и друзьям сделалось так тягостно в доме Мортара, что они разошлись по домам и там дожидались известий о дальнейших событиях. Кроме двух полицейских, которые не отпускали Эдгардо одного даже в уборную, в квартире оставались только сам Момоло, его шурин Анджело и Джузеппе Витта (он вернулся сюда после того, как отвез Марианну и вверил ее заботам жены).

Тем временем фельдфебель Лючиди тщательно готовился к тому моменту, когда Эдгардо покинет родной дом. Увести Эдгардо поручили бригадиру Агостини – вчерашнему молчаливому напарнику Лючиди, и для выполнения этой задачи ему выдали лучшую карету, какая только имелась в распоряжении болонской полиции. Лючиди приехал в другом экипаже, в сопровождении вспомогательного отряда полицейских. Он прибыл на место около восьми часов вечера. Взяв с собой несколько подчиненных, он стал подниматься по лестнице. В квартире он застал Момоло с Эдгардо на руках. Мальчик вел себя спокойно, возможно не до конца понимая, что его ждет. Когда Лючиди взял Эдгардо из дрожащих рук отца, из глаз обоих полицейских, стороживших мальчика, вдруг покатились слезы.

Первым вниз по лестнице с отчаянным видом побежал Витта, за ним шли полицейские, а за ними – потрясенный Момоло. Это зрелище – полицейские, уносящие от него сына на плечах, – лишило измученного Момоло последних сил, и, пройдя несколько шагов за Эдгардо, он вдруг потерял сознание и упал. Когда мальчика передавали бригадиру Агостини, ждавшему в карете, Витта попытался хоть как-то утешить его: “Не бойся, – сказал он, – мы с твоим отцом поедem за тобой, в другой карете”. Витта, как и остальные члены семьи Мортара, полагал, что поездка Эдгардо окажется короткой, что его не увезут дальше городских стен. Но тут все они ошибались.

На тротуаре потерявший голову Витта заметил соседа-католика, 31-летнего купца Антонио Факкини, который случайно проходил мимо. Вот что рассказывал сам Факкини о поразившей его встрече:

Я шел по виа Ламе, и вдруг увидел экипаж перед домом, где тогда жила семья Мортара, и увидел, что у входа выставлен полицейский. Меня это очень удивило, но еще больше я удивился, когда услышал чьи-то крики на лестнице, а потом увидел, как из дома выбегает еще кто-то и кричит мне: “Сюда! Иди сюда, Факкини! Погляди, что творится!” Это был мой приятель, еврей Витта. Я спросил его, что тут происходит, и он позвал меня внутрь. Я зашел вместе с ним в дом и увидел на лестнице полицейского – он нес на руках мальчика, а позади, прямо на холодных ступеньках, лежал еврей Мортара... Мы бросились к нему на помощь, внесли его в квартиру и уложили на диван.

Услышав от Витты о том, что произошло, Факкини пришел в ярость и побежал рассказывать новость в кафе “Коммерчо” неподалеку. Позднее он говорил: “Если бы я нашел там пару десятков друзей, мы бы, может, побежали за каретой, остановили бы ее и отобрали мальчика, чтобы вернуть его несчастным родителям”. Было ли это просто пустой похвалой со стороны Факкини – неизвестно.

Глава 2

Евреи на папской земле

Bologna la grassa, Bologna la dotta – “Болонья жирная”, “Болонья ученая”. Уступая одному только Риму численностью населения и общественным, политическим и экономическим весом, Болонья никогда не позволяла Папской области окончательно переварить себя. Она сделалась средоточием международной торговли еще до начала XVI века, когда там начали хозяйничать папские войска, и являлась родным городом старейшего в Европе университета, где тысячи студентов со всего континента сами платили профессорам и управляли факультетами еще до того, как все прибрали к рукам клирики. Именно Болонью, а не Рим Карл V выбрал местом своего коронования, принимая в 1530 году титул императора Священной Римской империи.

В ту пору, когда Карл V получал благословение Климента VII в огромной базилике Сан-Петронио на площади Пьяцца Маджоре, в Болонье имелась шумная еврейская община, активно участвовавшая в прославленной болонской торговле. В центре города, где и проживало большинство из 800 болонских евреев, разместились одиннадцать синагог. Типографии, печатавшие книги на древнееврейском языке, и прославленные книжники-гебраисты лишний раз подтверждали репутацию Болоньи как центра учености.

Однако XVI век оказался немилостив к болонским евреям. Римская церковь, которую далеко на севере Европы теснили лютеране, кальвинисты и прочие реформаторы-еретики, перешла в контратаку. Одной из жертв ее кампании по насаждению единственно правильной веры стали евреи, давно уже мозолившие глаза христианской Европе.

Болонских евреев ждала катастрофа. В 1533 году их книги на древнееврейском языке, в том числе сотни экземпляров священного Талмуда, были публично сожжены по указу папы римского и Священной канцелярии инквизиции. Спустя три года им было велено переселиться в один-единственный, отгороженный стеной, квартал в тени двух знаменитых болонских башен. Папская булла 1555 года *Cum nimis absurdum*, призывавшая ограничить свободу перемещения евреев, опиралась на основные богословские положения: “Нелепо и совершенно неприемлемо, что евреи, коих собственная вина обрекла на вечное рабство, под покровом христианского благочестия и терпимости к их соседству среди нас доныне выказывают неблагодарность к христианам...” Отныне евреям запрещалось жить бок о бок с христианами: их надлежало согнать в закрытые гетто.⁵

Не успели они как следует свыкнуться с этой жизнью в заточении, как в 1569 году вышел первый папский указ об их выдворении из Болоньи. Тысяча евреев, взвалив на плечи пожитки или бросив их на деревянные телеги, покинули город. Среди узлов с одеждой, связок книг и кухонной утвари оказались свалены и кости их предков. Папа Пий V передал болонское еврейское кладбище в дар монахиням из обители Святого Петра Мученика, велев им “разрушить все могилы... евреев... и забрать себе надписи, памятники, мраморные надгробья и сокрушить их, не оставляя камня на камне... и выкопать из земли трупы, кости и останки мертвецов и вывалить их куда им заблагорассудится”.⁶ После семнадцати лет изгнания, в 1586 году, болонским евреям позволили вернуться, однако уже в 1593 году папа Климент VIII снова приказал выдворить их из Болоньи и вдобавок изгнать за пределы всего Папского государства, за исключением самой столицы – Рима – и расположенного на Адриатике города Анконы, где разреша-

⁵ О *Cum nimis absurdum* см. Luciano Tas, *Storia degli ebrei italiani* (1987), p. 64, и Attilio Milano, *Storia degli ebrei in Italia* (1992), p. 247.

⁶ Выдержка из папского бреве Пия V взята у Lucio Pardo, “Il ghetto e la città”, в Sergio Vincenzi, ed., *Il ghetto: Bologna. Storia e rinascita di un luogo* (1993), p. 56.

лось сохранить еврейские гетто. Ранее в том же столетии, вдохновившись примером Испании, правившие югом Италии испанские Бурбоны очистили от евреев все свои владения от Неаполя до Палермо. На юге, где с XI века благополучно существовали самые богатые еврейские общины Италии, не осталось ни одного еврея.

К счастью для обездоленных болонских евреев, недалеко от Болоньи, к северо-востоку и северо-западу, располагались (соответственно) Феррара и Модена – земли, остававшиеся под властью герцогов из дома Эсте. Когда евреев во второй раз вынудили покинуть Болонью, большинство изгнанников устремились не в Рим и не в Анкону, а прочь из Папской области, решив искать прибежища в землях династии д'Эсте. Хотя Феррара в скором времени и сама оказалась включена в состав папских владений, папы не стали трогать евреев, живших в этом городе, и еврейские общины Феррары продолжали существовать, заметно разросшись благодаря притоку беженцев из Болоньи и других мест, откуда их изгнали.

В 1598 году, когда д'Эсте лишились власти над Феррарой, герцогская семья переехала в Модену. В Моденское герцогство входил не только сам этот город, расположенный в 39 километрах от Болоньи, но и город Реджо-Эмилия, лежащий в 24 километрах еще дальше к северо-востоку, в долине реки По. В те века, когда евреям запрещалось жить в Болонье, и в Модене, и в Реджо продолжали существовать преуспевающие еврейские общины, и именно оттуда вышла семья Эдгардо Мортары. В 1858 году Болоньей, неофициальной столицей северных территорий Папской области (носивших название “легаций”, или дипломатических миссий), правил папа римский Пий IX, а Модена и Реджо находились под властью герцога Франческо V.⁷

Момоло Мортара родился в Реджо всего через два года после того, как герцог д'Эсте вернулся к власти в Модене – вслед за падением Наполеона и уходом французских войск с территории герцогства. Отец Момоло Симон, родившийся в 1797 году, почти не сталкивался с ограничениями, присущими жизни в гетто, потому что его собственное детство пришлось на ту пору, когда в Италию хлынули французские войска, когда запылали ворота гетто и были отменены все запреты, навязанные евреям церковными властями.⁸ Как и многие другие евреи в Реджо (всего их там насчитывалось 750 человек), Симон владел небольшой лавкой, где ему помогали в работе жена и четверо детей. Его родня жила в Реджо уже больше столетия, но все они ощущали себя частью гораздо более обширной еврейской общины. Наравне с другими евреями, жившими на Апеннинском полуострове, они несли бремя направленных против них законов и ощущали себя не вполне желанными гостями на чужой земле. А еще их объединяло множество обрядов и предписаний, отраженных в священных текстах.

Вернувшись к власти в Модене в 1814 году, герцог Франческо д'Эсте вновь придал силу большинству старых дискриминационных постановлений. Согласно этим законам, евреи не имели права ночевать за пределами гетто – даже в собственных лавках, помещавшихся за его стенами. Христианам запрещалось входить в гетто после наступления темноты, им не позволялось поступать в услужение в еврейские семьи. С другой стороны, христиан предупреждали: недопустимо унижать евреев или глумиться над ними. Это представляло отдельную проблему в герцогстве (да и во всей Италии) во время Карнавала и Великого поста, когда насмешки над евреями были неотъемлемой частью народного обряда. А чтобы не вводить христиан в искушение, закон возбранял евреям покидать гетто в течение всей Страстной седмицы.

Герцогский указ 1814 года, в котором для начала осуждалось сотрудничество евреев с французским оккупационным режимом, возвращал силу прежнему своду законов, однако отменял некоторые наиболее обременительные пункты – например, требование запираť ворота гетто с заходом солнца и возвращаться в гетто до наступления темноты. Кроме того,

⁷ Существовало пять северных легаций, протянувшихся с севера на юг, от Феррары, Болоньи, Равенны и Форли (вместе составлявших область Романью) до легации Пезаро и Урбино, входившей в область Марке.

⁸ Lazzaro Padoa, *Le comunità ebraiche di Scandiano e di Reggio Emilia* (1986).

было наконец отменено многовековое правило, согласно которому евреи обязаны были носить на одежде особый знак отличия, позволявший каждому встречному опознавать в них евреев. В Модене таким опознавательным знаком была красная лента, пришитая к тулье шляпы. Хотя запрет, возбранявший евреям жить и владеть лавками за пределами гетто, продолжал значиться в своде законов, его предложили снять – в обмен на внушительную денежную сумму, которую евреи ежегодно выплачивали бы в казну герцога. После падения французского режима Мортара были в числе тех еврейских семей из Реджо, которые продолжали жить и держать магазин за пределами стен городского гетто.⁹ В целом евреи, жившие в герцогстве Моденском, можно сказать, дешево отделались. В Риме реставрация папской власти в 1814 году не просто обернулась повторной геттоизацией: от всех городских раввинов потребовали унижительного публичного появления на Карнавале. Их заставляли надевать нелепые черные наряды – короткие штаны и кургузый плащ – и в таком виде участвовать в уличных шествиях. Их свободно повязанные галстуки становились мишенями для гнилых овощей и прочих “снарядов”, которые метала в них веселившаяся толпа.¹⁰

Когда приходила пора сватовства, евреи из Реджо обращались за советами к обширной и разветвленной группе родственников, раскинувшейся, как плотная сеть, поверх политических границ. Разумеется, невесту выбирали исключительно из еврейских семей – и не только потому, что так предписывали законы иудаизма, но и потому, что государство тоже запрещало браки между евреями и христианами.

После свадьбы жена переезжала к мужу. Дед Момоло женился на девушке из Мантуи, и она переехала в Реджо в 1789 году; в 1815 году отец нашел себе жену в Вероне, и она тоже переехала к нему. В 1843 году пришла пора женитьбы для Момоло, и его невеста Марианна Падовани (она тоже происходила из семьи преуспевающих купцов) переехала к нему из Модены.

Как правило, в Модене и Реджо евреи жили большими, расширенными семьями. Момоло тоже последовал этой традиции и ввел невесту в родительский дом. Бог дал им много детей. В 1848 году, когда родился их четвертый ребенок, Аугусто, в доме уже становилось тесновато. Кроме Момоло, Марианны и их детей, там жили мать и отец Момоло, его 26-летний холостой брат Абрам и еще один брат, Моисей-Аарон, который только что привел в дом молодую жену, Рикку Болаффи. Через месяц после появления на свет Аугусто, когда у Моисея и Рикки родился первенец, Момоло и Марианна наверняка не только ощутили тесноту в доме, но и заметили, что магазин, раньше обеспечивавший всю семью средствами к существованию, уже явно не справляется с этой задачей. Настала пора переезжать.

В результате браков, соединявших мужчин и женщин из разных гетто на протяжении многих поколений, сложились обширные родственные связи, тянувшиеся от Рима и Анконы через Ливорно и Флоренцию до Феррары, Турина и Венеции. Решая, куда именно переехать, Момоло и Марианна поступили точно так же, как поступили бы любые другие евреи и как всегда поступали их предки: они обратились к многочисленной родне. Расспрашивая родственников и друзей и прося у них совета, они поняли, что больше всего их привлекает Болонья.

Молодые супруги знали несколько еврейских семей (в их числе были Сангвинетти, богатые моденские соседи Марианны), которые недавно перебрались в Болонью. Будучи значительно более крупным городом, чем Реджо или Модена, и гораздо более важным торговым центром, Болонья предоставляла более широкие возможности для молодых предприимчивых людей вроде Момоло. Почти полное отсутствие в городе евреев (из-за двухвекового изгнания – с 1593 года – и в результате новых запретов, которые правительство наложило на евреев в

⁹ Об истории законодательства Моденского герцогства в отношении евреев в этот период см. Guido Fubini, *La condizione giuridica dell'ebraismo italiano* (1974), и Gino Badini, “L'archivio Bassani dell' Università Israelitica”, *Ricerche storiche* 27, № 73 (1993): 27–80. Более общие сведения по истории евреев, живших в герцогстве в XVIII и XIX веках, см. в Andrea Balletti, *Gli ebrei e gli Estensi* (1930).

¹⁰ См. Giacomo Blustein, *Storia degli ebrei in Roma* (1921), p. 215.

годы Реставрации) уже говорило о том, что экономическая ниша, которую в местной торговле обычно занимали итальянские евреи, в Болонье практически пустует. Разумеется, это влекло за собой и другое следствие: в Болонье не существовало той плотной паутины еврейских общественных, экономических и религиозных связей и институтов, к которым Момоло с Марианной привыкли в Реджо и Модене. Но чету Мортара не ждало на новом месте полное одиночество. Семейный совет решил, что примерно в то же самое время, когда в Болонью переедут Момоло и Марианна с детьми, туда переберутся родители Марианны, ее дядя, ее женатый брат и замужняя сестра.

Пока они обсуждали предстоящий переезд, в мире происходили драматические события, игнорировать которые было невозможно. В 1848 году по всей Европе прокатилась волна мятежей и восстаний и не одному правителю пришлось покинуть свой дворец. В Модене и Болонье народ тоже бунтовал и вооруженные мятежи сопровождались общими беспорядками. В том самом месяце, когда у четы Мортара родился сын Аугусто, герцог Моденский Франческо V бежал из своей столицы, испугавшись донесений о том, что войска повстанцев, стягиваясь со всей территории герцогства, идут на Модену вместе с сотнями вооруженных мятежников из Болоньи. И в Модене, и в Реджо образовавшийся вакуум власти заполнило народное ополчение, учредившее временное правительство, которое решило отстаивать конституционные законы и права личности.

Центром восстания стала сама Болонья. Даже принадлежа другому государству, она оказывала значительное влияние на Модену. Прошло меньше тридцати лет с тех пор, как в годы французского правления две эти области слились под властью единого правительства.¹¹ По окончании наполеоновских войн в 1814 году, когда папская власть восстановилась, церковь попыталась установить более жесткий контроль над мятежными северными “легациями”. Болонцы оказали отпор этим попыткам: за годы французской оккупации в высших слоях населения либеральные идеи успели пустить крепкие корни, а образованные люди, число которых в этом университетском городе продолжало расти, видели в мирской власти пап несносный пережиток прошлого.

Разумеется, власти рассматривали публично организованное сопротивление как государственную измену, а потому политическая оппозиция принялась учреждать тайные общества, в числе которых были и знаменитые карбонарии. Бунты против старого строя в Неаполе и Турине в 1820–1821 годах побудили папу Пия VII отлучить карбонариев от церкви. Полиция начала расследования в отношении тайных обществ, и среди людей, чьи имена всплывали в связи этим в Модене чаще всего, оказался один из представителей банкирского семейства Сангвинетти.¹²

Лев XII, избранный папой в 1823 году, решил, что необходимо принимать чрезвычайные меры. За пять лет своего правления он отменил довольно скромные реформы, проведенные его ближайшими предшественниками, и установил повсюду суровый полицейский надзор. Он потребовал воплотить в жизнь старые запреты, касавшиеся евреев, и приказал пристально следить за остальным населением, дабы все христиане неукоснительно соблюдали церковные предписания относительно постов и других религиозных заповедей. Все, что казалось чересчур “современным” (а потому заведомо богопротивным), подвергалось нападкам. Духовенство запретило даже прививки от оспы.¹³

Чтобы усмирить волнения в Романье – той области легаций, что простиралась от Болоньи в сторону Равенны и Феррары, – папа назначил кардинала Агостино Риваролу своим *legato*

¹¹ Mario Caravale e Alberto Caracciolo, eds., *Lo stato pontificio da Martino V a Pio IX* (1978), p. 526.

¹² Ermanno Loevinson, “Gli ebrei dello Stato della Chiesa”, *часть 2, Rassegna mensile di Israel* 9 (1934): 164; Augusto Pierantonio, *I carbonari dello Stato Pontificio*, vol. 2 (1910), pp. 21, 99, 117.

¹³ Umberto Marcelli, “Le vicende politiche dalla Restaurazione alle annessioni”, в Aldo Berselli, ed., *Storia della Emilia Romagna* (1980), p. 72.

straordinario (чрезвычайным послом). Кардинал, наделенный неограниченной властью, быстро завоевал репутацию жестокого и беспощадного человека. В 1825 году, после наскоро проведенных судов под его председательством, был вынесен смертный приговор пяти сотням человек из Романьолы, обвинявшимся в причастности к движению карбонариев и в антиправительственном заговоре. Через год – в “благодарность” за проявленное рвение – на кардинала-легата было совершено покушение в Равенне. Едва избежав гибели, он спешно покинул территорию папских миссий, однако человек, сменивший его на посту легата, продолжил его политику “железной руки”, для начала постановив казнить четверых из тех, кто был признан виновным в покушении на жизнь кардинала.

Несмотря на кампанию, призванную искоренить политическую оппозицию, следующее десятилетие началось с новой волны беспорядков в легациях. В начале 1831 года местные элиты возглавили восстание, целью которого были получение более широких свобод и конституционное правление. В феврале у кардинала-легата сдали нервы, и он бежал из Болоньи. Народ хлынул на Пьяцца Маджоре – праздновать падение папской власти. Люди сорвали с двери папского дворца папскую эмблему и водрузили на положенное место трехцветное итальянское знамя. Видя всеобщий революционный пыл, папские войска бежали из города. Было сформировано временное правительство, которое возглавил видный местный законовед Джованни Вичини. Услышав об успешном восстании в Болонье, герцог Моденский Франческо V поспешно покинул свою столицу. В Реджо вместо герцогского флага взвился итальянский триколор, и, пока высшие чины торопились вслед за своим правителем, основная масса войск переходила на сторону повстанцев.

6 февраля 1831 года, в тот самый день, когда кардиналы в Риме собрались, чтобы усадить на священный престол Григория XVI, новый папа получил известие о восстании в Болонье. Через два дня временное правительство Вичини провозгласило конец папского владычества над Болоньей. 19 февраля Григорий, видя, что легации ускользают у него из рук, попросил Австрию срочно прислать войска и подавить восстание. Спустя две недели тысячи австрийских солдат вошли в герцогство Моденское, чтобы вернуть эти земли герцогу, которого связывали родственные узы с имперской династией Габсбургов. 24 марта австрийские войска вступили в Болонью, и Вичини с соратниками пришлось спасаться бегством.¹⁴

Вичини уже не в первый раз навлекал на себя гнев папских властей. Всего за пять лет до восстания 1831 года он уже подвергнулся наказанию за публичную защиту прав евреев в Папской области, вызвавшую громкий скандал. Его подтолкнула к такому поступку проповедь, которую в 1826 году, в дни Великого поста, произнес в болонской церкви Сан-Петронио Фердинандо Жабало – монах, славившийся своим ораторским пылом. Желая, чтобы с его проповедью ознакомилось как можно больше верующих, монах распорядился отпечатать ее текст. Главной темой этой проповеди были евреи: Жабало называл их бичом человечества, скопищем грязных ростовщиков и не ведающих закона разбойников, которые сполна заслужили божественную кару, обрушившуюся на их головы.

Обличения Жабало уходили корнями в давнее церковное учение. В католическом богословии, на которое уже много веков опирались папские указы и постановления, евреи рассматривались как народ, к которому следует относиться терпимо – но лишь в строго определенных рамках. Как народ, откуда произошел сам Иисус, и народ, чье Пятикнижие вошло в состав чтимого церковью Святого Писания, евреи занимали особое почетное место среди прочих, не пользовавшихся такой привилегией, нехристианских народов. Вместе с тем на них лежала особая вина: ведь именно евреи распяли Иисуса. И если некогда евреи были богоизбранным наро-

¹⁴ Австрийцы снова покинули Болонью в июле 1831 года, после чего наступил период хаоса. Вернулись они в январе 1832 года. Подробности в Steven C. Hughes, *Crime, Disorder and the Risorgimento: The Politics of Policing in Bologna* (1994), pp. 114–135.

дом, то теперь они давно уже они стали врагами Господа. Кара Божия не замедлила последовать: храмы иудеев в Палестине подверглись разрушению, а их самих Господь обрек на участь вечных скитальцев, влачащих жалкое существование.

До середины XVI века церковная политика в отношении евреев отличалась определенной сдержанностью. Им позволялось соблюдать свои религиозные обряды и иметь синагоги: ведь их далекие предки сыграли особую роль в свершении промысла Божьего на земле, и их собственное существование являлось живым свидетельством той давней исторической роли. Однако когда-нибудь еврейский народ узрит истину, войдет в лоно церкви Господней и тем самым поможет приблизить второе пришествие. Но потом случилось так, что этому миролюбивому подходу пришел конец: в 1555 году папа Павел IV издал буллу, повелевавшую согнать всех евреев в гетто. Отныне никто не собирался терпеливо дожидаться, когда же они сами обратятся в истинную веру: добиваться этой цели надлежало более решительно.¹⁵

В 1827 году Вичини, решив выступить против антисемитской кампании в Болонье и против дискриминационных законов, ущемлявших евреев в Папской области, обнародовал собственные взгляды в форме краткого изложения одного юридического вопроса, недавно разбиравшегося в суде. Джузеппе Леви, еврей-выкрест, умер, не оставив завещания. У него осталось три брата, один из которых тоже обратился в христианство, а двое других продолжали исповедовать иудаизм. Среди законников в Папском государстве преобладало мнение, что право наследования принадлежит единственному брату, перешедшему в христианство, потому что, согласно каноническому праву, принимая крещение, новообращенные разрывали связи с родственниками-иудеями. Как написал Вичини в своем 154-страничном разборе этого дела, главный вопрос состоял в том, “правомерно ли полагать, что крещение одного из членов еврейской семьи отменяет кровные узы, которые тесно связывают его с другими родственниками, не вышедшими из иудейства”. Сам Вичини считал, что эти узы родства не распадаются, а значит, братья-иудеи не лишаются своего права на наследство.¹⁶

Ознакомившись с брошюрой Вичини, болонские законоведы – во всяком случае, те, кто занимал проправительственные позиции, – принялись выражать бурное возмущение. Самый выдающийся в городе знаток гражданского права, Винченцо Берни дельи Антони, профессор Болонского университета, подготовил обличительный ответ и в том же году опубликовал его. Следуя испытанному временем церковному взгляду на евреев, он прежде всего отказал евреям в праве считаться гражданами. Он назвал иудаизм вредной религией и напомнил, что сам Бог осудил евреев скитаться по всей земле, вызывая презрение у богобоязненных народов.

Далее профессор сформулировал следующие основные правовые принципы:

1. Что евреи на территории Папской области – рабы, с чьим присутствием нужно мириться, но не более того.
2. Что они не имеют права наравне с христианами становиться наследниками умершего без завещания родственника-христианина.
3. Что сами евреи, чья нечестивая религия запятнана неумолимой ненавистью к христианам, следуют ее призывам – обманывать, обкрадывать и мучить христиан – и мечтают закабалить их на веки вечные.
4. Что ограничения, налагаемые христианами на живущих среди них евреев, совершенно необходимы, ибо только они помогают избежать смертельного воздействия их религии.¹⁷

¹⁵ Превосходное обсуждение богословского учения церкви о евреях, а также изменений, введенных в XVI веке, см. в Kenneth R. Stow, *Catholic Thought and Papal Jewry Policy, 1555–1593* (1977).

¹⁶ Здесь приведена цитата из Giovanni Vicini, *Causa di simultanea successione di cristiani e di ebrei...* (1827), p. 154.

¹⁷ Vincenzo Berni degli Antonj, *Osservazioni al voto consultivo...* (1827), p. 70.

Инквизиция в Болонье, лишь недавно возобновившая свою работу в доминиканском монастыре (в период французской оккупации ее деятельность была запрещена), весьма неблагосклонно отнеслась к ереси Вичини. И его самого, и типографа, который отпечатал его брошюру в защиту евреев, признали виновными и приговорили к восьми дням заточения в монастыре, чтобы там они поразмыслили о своем прегрешении.¹⁸ Через три года после того приговора Вичини ожидала особая мстительная радость (пускай и скоротечная): именно он объявил народу, что папской власти над Болоньей пришел конец.

Австрийские солдаты, которые заново захватили Болонью для папы, остались в городе еще на полдюжины лет: им поручено было присматривать за тем, чтобы никто больше не смел покушаться на режим кардинала-легата. Но не прошло и десяти лет после их ухода, как Болонья опять взбунтовалась, и на сей раз – одновременно почти со всем полуостровом.

Итальянские восстания 1848–1849 годов последовали за бунтами и мятежами, которые в тот роковой год вспыхивали по всей Европе. Февральское восстание в Париже закончилось рождением новой республики. Через месяц революция в Берлине привела к принятию конституции и учреждению либерального правительства в Пруссии. Но для Италии – почти целиком находившейся, в той или иной форме, под австрийским контролем – наиболее важной стала весть о мартовском восстании в Вене, в результате которого рухнула власть грозного князя Меттерниха и образовалось свое либеральное правительство.

В самой Италии бунтовали сицилийцы, боровшиеся за освобождение от бездарных Бурбонов, правивших Королевством обеих Сицилий. Когда восстание перекинулось на столицу этого королевства – Неаполь, король Фердинандо II был вынужден даровать своим подданным конституцию, а затем его примеру последовали другие правители полуострова, испуганные самой угрозой народных восстаний: Карл Альберт, король Сардинии со столицей в Турине, Леопольд II Тосканский и, наконец, сам папа римский Пий IX, занявший престол Святого Петра всего двумя годами ранее.

Венское мартовское восстание спровоцировало бунт против австрийского владычества в Милане – центре австрийской области Ломбардия-Венето, лежавшей к северо-востоку от территорий, которым суждено было стать новым итальянским государством. Те, кто мечтал о единой Италии, свободной от чужеземного ига, призывали сардинского короля из Савойской династии помочь им вышвырнуть австрийцев и их прихвостней. Казалось, возникновение в Италии нового национального государства, которым будут править сами итальянцы, уже не за горами. В Милане люди строили баррикады и начинали сражаться с австрийскими войсками. Через две недели после рождения Аугусто Мортары герцог Франческо V Моденский бежал из своего герцогства. К концу марта австрийские войска удалось выгнать из Милана и из Венеции, и место старых режимов заняли временные правительства. Король Карл Альберт решил отправить своих солдат в Ломбардию, надеясь выдавить оттуда австрийцев и расширить границы собственного королевства. Недавно учрежденные правительства – от Модены до Венеции – всерьез обдумывали планы, по которым их земли отошли бы Сардинскому королевству, а Карл Альберт сделался бы королем всей Италии. В начале апреля добровольцы из Модены и Болоньи уже отправлялись на север, чтобы примкнуть к войне против австрийцев.

Поначалу большинство участников движения за объединение Италии полагали, что папа римский благословляет войну за национальное единство, за свержение чужеземного владычества и создание такого государства, которое будет опираться на конституционные принципы, гарантирующие основные права своим гражданам. Еще два года назад, когда Пий IX только сделался папой, многие видели в нем сторонника реформ и современного уклада жизни. Некоторые даже успели вообразить, будто папа делается почетным главой некоей конфедера-

¹⁸ Помимо Gioacchino Vicini, *Giovanni Vicini* (1897), см. обсуждение в Luzzato Voghera, *L'emancipazione degli ebrei in Italia* (1994), pp. 83–85.

ции конституционных государств, которые сообща образуют новое итальянское национальное государство. Однако всем этим надеждам суждено было вдребезги разлететься в конце апреля 1848 года, когда Пий IX заявил, что выступает против втягивания Папской области в войну с австрийцами. Тогда и в Риме, и во всей Папской области повстанцы осознали, что у них появилась новая мишень – сам папа-монарх.

В Болонье, где все стояли за войну с Австрией, прозвучавшее в конце апреля заявление папы всколыхнуло умеренных – тех, кто полагал, что будущая единая Италия вполне совместима с сохранением папской власти. Позже, когда той же весной австрийские войска перешли в наступление и начали поступать вести о первых поражениях пьемонтских войск, Болонья забурлила. В городе появлялось все больше солдат – участников проигранных сражений, а донесения о том, что австрийские войска направляются в Модену и Романью, сеяли в народе тревогу и страх.

В начале августа австрийцы вошли в Модену и восстановили там власть герцога. Затем они двинулись на Болонью, где вступили в кровопролитный бой с наскоро собранным (преимущественно из гражданского населения) войском и в итоге были отброшены от города. Рассказы о жестокости австрийцев во время отступления – о том, как на своем пути они разграбляли дома и убивали мирных жителей, – подпитывали народную ненависть.

Хватка Рима, все беспомощнее цеплявшегося за Болонью, окончательно ослабла осенью, когда папа Пий IX после убийства его премьер-министра и ввиду угрозы народного восстания бежал из Рима и вообще из Папской области. Он укрылся в Гаэте – укрепленном приморском городе к северу от Неаполя. Народные демонстрации в Болонье вынудили городской совет, состоявший из консерваторов, подать в отставку. В феврале 1849 года, после вступления Джузеппе Гарибальди в Рим, одержавшие победу мятежники провозгласили рождение новой Римской республики, а в Болонье был издан первый декрет Римской конституционной ассамблеи:

Статья I. Объявляется конец папского правления и мирской власти папы над Римским государством.

Статья II. Римский папа получит все гарантии, необходимые ему для осуществления духовной власти.

Статья III. Форма правления в Римском государстве будет чистой демократией, и оно примет славное имя Римской республики.

В Болонье – хотя консерваторы и предупреждали о надвигающейся анархии – демонстранты бросились к городским общественным зданиям, посрывали папские эмблемы с ворот, снесли их в кучу на самую середину Пьяцца Маджоре и запалили огромный костер.¹⁹

Спустя три дня новоизбранный городской совет Болоньи торжественно объявил о верности города Римской республике. Но, сколь радостна ни была последовавшая за этим праздничная ночь, наверняка ее омрачали всеобщие опасения, что новому правительству суждено недолго продержаться под неизбежным натиском австрийцев, а также французов.

В самом деле, Болонье почти нечем было защищаться (не считая старинной оборонительной стены) от австрийских войск, которые вскоре – именем папы римского – подступили к городу. После восьмидневной осады в середине мая 1849 года австрийцы вошли в Болонью, водрузили на прежнее место папскую символику, запретили все общественные собрания, потребовали от жителей покидать улицы с наступлением полуночи, вернули цензуру печати и запретили вывешивать где-либо национальное трехцветное знамя. Болонья снова стала частью Папской области. Спустя две недели в Модену въехал Франческо V, которому вернули власть

¹⁹ Bottrigari, *Cronaca*, vol. 2, pp. 36–37.

над герцогством. А еще через месяц в Рим вошли французские войска, уничтожили последние остатки республики и отправили Джузеппе Гарибальди и Джузеппе Мадзини в изгнание.²⁰

Отныне папская власть в Болонье, чересчур слабая, чтобы удерживаться там самостоятельно, опиралась на постоянное присутствие многочисленного австрийского гарнизона и на политику репрессий. В 1850 году, когда порядок восстановился, семья Мортара переехала из Реджо в Болонью, где арендовала квартиру в центре города. Хотя супруги с интересом следили за политическими событиями, их гораздо больше занимали более насущные задачи – забота о пятерых маленьких детях и хлопоты, связанные с обустройством новой лавки. Они, насколько могли, старались не попадаться на глаза австрийским военным и папской полиции.

²⁰ Luigi Carlo Farini, *Lo stato romano dall'anno 1815 all'anno 1850*, vol. 4 (1853), p. 139.

Глава 3

На страже веры

Пока австрийские войска продолжали бдительно охранять мир в Болонье, Марианна Мортара вынашивала и рожала новых детей. Арнольдо появился на свет незадолго до переезда в Болонью, а в 1851 году у Марианны родилось первое болонское дитя – Эдгардо. Через несколько месяцев после рождения Эдгардо в семью поступила новая служанка Анна Моризи – девушка из близлежащего небольшого городка Сан-Джованни-ин-Персичето. Анна, как и все ее родственники и друзья, не умела ни читать, ни писать. Ей было 18 лет, но сама она имела лишь смутные представления о своем возрасте.

Ни одна уважающая себя купеческая семья в Болонье, даже с самым скромным достатком, не могла обойтись без домашней прислуги. В обязанности служанки входило держать дом в чистоте, стирать белье, закупать на рынке необходимую провизию и прочие товары, выполнять разные мелкие поручения и помогать хозяйке в уходе за детьми. Купцы побогаче и аристократы держали мужскую и женскую прислугу, а люди со средними доходами нанимали только женщин – чаще всего молодых и незамужних. Анна была одной из множества таких служанок. Ее родители, отправив Анну и еще трех ее сестер в большой город наниматься в услужение, во-первых, избавлялись от лишних ртов в семье, а во-вторых, давали девушкам возможность самостоятельно накопить на приданое, откладывая понемногу из скромного жалованья, чтобы со временем выйти замуж. По этому пути пошли все сестры Моризи, и трое из них потом вернулись в Сан-Джованни для замужества. Одна только несчастная Маддалена так и не вернулась: она умерла от укуса бешеной собаки.

Вскоре после рождения Эдгардо 27 августа 1851 года Марианна обнаружила, что снова беременна. Эрколе родился в конце 1852 года, а потом, в 1856 году, после четырехлетнего перерыва, появился на свет Аристид, которому суждено было прожить всего год. Семья заметно разрослась: теперь в ней было уже шесть мальчиков и девочки-близнецы. Риккардо, самому старшему, исполнилось только 12 лет.

Тем временем в Болонью вернулась стабильность, хотя ненависть к австрийским оккупационным войскам не угасала. В 1855 году умер, не дожив всего двух дней до своего восьмидесятишестилетия, кардинал Карло Оппиццони, занимавший пост архиепископа Болонского целых 52 года. Видевший в начале века своими глазами разорение болонских церквей наполеоновскими солдатами (некоторые церкви они превратили в стойла для своих лошадей), переживший беспорядки и мятежи, которые вспыхивали в последующие десятилетия, и не раз подвергавшийся за свою примирительную позицию нападкам более несгибаемых церковных иерархов, Оппиццони олицетворял в глазах болонцев милосердную сторону церковной власти – ту добрую церковь, которая оставалась неотъемлемой частью их жизни.

Его преемником стал человек совершенно иной заправки. В пору своего назначения на место архиепископа Болонского Микеле Вьяле-Прела уже был одним из самых известных в Европе кардиналов. В должности папского нунция в Вене (посланника папы в Австрийской империи) он совсем недавно заключил конкордат между Австрией и Ватиканом, который церковь объявила важной победой. Это достижение увенчало его блестящую карьеру папского дипломата.

1 ноября 1856 года, в День всех святых, состоялся триумфальный въезд нового архиепископа в Болонью, завершившийся торжественным входом в городской собор. На следующее утро все церковные колокола города залились звоном, к которому вскоре присоединились громкие залпы австрийской артиллерии, и длинная процессия священников, монахов и местных сановников, а также всех университетских профессоров, облачившихся в свои длинные

мантии, двинулась к Сан-Петронио на Пьяцца Маджоре, чтобы приветствовать нового архиепископа и проводить его до расположенного рядом собора.

Вьяле-Прела в пурпурном одеянье являл собой внушительную фигуру. Казалось, этот высокий худощавый мужчина с глазами, излучавшими ум, всегда владел собой, всегда держался с сознанием собственного достоинства. У него были тонкие черты лица и большой лоб. Одевался он продуманно, с изыском. Когда нужно, кардинал благосклонно улыбался, однако люди, знавшие его близко, не могли припомнить, чтобы он когда-нибудь смеялся. Вьяле-Прела провел много лет в высших дипломатических кругах и славился эрудицией, хорошим знакомством с историей, искусством и литературой. Он был человеком серьезным (по мнению некоторых, чересчур серьезным) и непреклонным в своей преданности церкви.²¹

Среди горожан, пришедших в собор посмотреть на нового архиепископа, был Энрико Боттригари – внимательный, хотя отнюдь не благожелательный очевидец: “Отслужили торжественную мессу с величавой музыкой. Посередине мессы его преосвященство произнес длинную, полную повторов проповедь, которая навевала скуку не только своим содержанием, но и монотонным голосом оратора. Под конец он передал папское благословение всем многочисленным слушателям”. Затем архиепископ удалился в свою официальную резиденцию, а хор, собравшийся перед церковным порталом, исполнил песнь в его честь. В ту ночь в окнах архиепископского дворца горел свет газовых ламп.

В заключение Боттригари заметил: “Репутация нашего нового пастыря, которую он сюда привез, не очень-то лестна. Поговаривают, что он слишком симпатизирует иезуитам и чересчур ревностен как священник. Достаточно вспомнить пресловутый конкордат, который он подписал в Австрии, – и все про этого человека становится ясно”. В городе, который перенес семилетнюю оккупацию австрийскими войсками, знаменитая дружба архиепископа с князем Меттернихом и с правителями Австрийской империи нисколько не располагала к нему новую паству.²²

Микеле Вьяле-Прела был вторым из четверых сыновей, родившихся в богатой корсиканской семье с генуэзскими корнями. Он родился в 1798 году в Бастии на Корсике, и, можно сказать, ему на роду было написано добиться высокого духовного сана. Его дядя по матери, кардинал Томмазо Прела, состоял врачом при двух папах – Пие VI и Пие VII. В знак почтения к дяде, сыгравшему важную роль в его воспитании, Микеле присоединил девичью фамилию матери к фамилии отца, Паоло Вьяле. В 1823 году, пройдя посвящение в духовный сан, Микеле начал быстро продвигаться по служебной лестнице внутри папского дипломатического корпуса. С 1828 по 1836 год он состоял помощником при папском нунции в Швейцарской конфедерации. Еще два года Вьяле-Прела прослужил в Риме у папского государственного секретаря, а потом был отправлен в Мюнхен, где уже сам стал нунцием и получил сан епископа. Наконец, в 1845 году он переехал в Вену и сделался нунцием при дворе Австрийской империи. Находясь там, в 1853 году он узнал, что его произвели в кардиналы.²³

Известие о своем назначении архиепископом Болонским Вьяле-Прела получил в тот день, когда в Вену стекались епископы из всей Центральной Европы для подписания подготовленного им конкордата. Эта новость, которая сопровождалась личной запиской от папы Пия IX, стала для кардинала неприятным сюрпризом. Он-то рассчитывал, что, прослужив столько лет за границей, вскоре вернется в Рим. У него имелись для этого не только профессиональные, но и личные соображения. Как-никак он прожил в Риме большую часть юности и теперь мечтал провести оставшиеся годы в Вечном городе. Кроме того, ему хотелось оказаться поближе к родному брату Бенедетто, который преподавал медицину в Римском университете и, продолжая семейную традицию, состоял лекарем при Пие IX.

²¹ Francesco Fantoni, *Della vita del Cardinale Viale-Prelà* (1861).

²² Bottrigari, *Cronaca*, vol. 2, p. 362.

²³ О родственных связях Вьяле-Прела см. Paul-Michel Villa, *La maison des Viale* (1985).

Назначение Вьяле-Прела духовным вождем беспокойной Болонской епархии выглядело странным еще по одной причине: за всю свою блестящую карьеру священник-корсиканец никогда не возлагал на себя роль пастыря. Он был человеком, более всего подходившим для самых высоких постов на государственной службе Ватикана. Кроме того, ходили слухи, что именно он является главным кандидатом на роль преемника всеми поносимого, но могущественного государственного секретаря Джакомо Антонелли. Те, кто был бы рад такой перестановке, даже подозревали, что за неожиданным назначением Вьяле-Прела в Болонью стоял не кто иной, как сам коварный государственный секретарь. Они были уверены, что Антонелли пустил в ход свое – для многих прискорбное – влияние на политически наивного папу, чтобы убрать своего соперника-корсиканца подальше от других кардиналов и расстроить их козни против него самого.

Хотя новый архиепископ Болонский испытывал не больше радости по поводу своего приезда в город башен, чем многие из его новообретенной паствы, он рьяно взялся за возложенные на него обязанности. По мнению Вьяле-Прела, его предшественник, человек хотя и благонамеренный, но чрезмерно снисходительный и к тому же в последние годы жизни недужный, оставил ему в наследство паству, опасно уклонившуюся в сторону от истинного пути христианского благочестия.²⁴

Результатом такого подхода к делу стали, по рассказам некоторых болонцев (не чуждых преувеличений), гонения, которые напомнили о худших днях инквизиции. Действительно, чаще всего можно было услышать, что кардинал Вьяле-Прела начал плотно сотрудничать с доминиканским инквизитором, отцом Пьером Гаэтано Фелетти, чтобы придумать наиболее действенные меры надзора за населением. Пространные манифесты кардинала, в которых он сурово напоминал своей пастве о необходимости соблюдать пятничные посты, украшали двери всех церквей епархии. Рассказывали, что по пятницам он рассылал по всей епархии шпионов-«нюхачей», которые шастали под окнами кухонь и вынюхивали, у кого из котлов доносится запах запретного мясного. Репутацию деспота, закрепившуюся за Вьяле-Прела, лишний раз подтвердили рассказы о том, что однажды вскоре после приезда в Болонью он заметил на улице человека, забывшего снять перед ним шляпу. Кардинал не поленился остановить свою свиту и приказал зазевавшемуся прохожему обнажить голову.²⁵

Еще Вьяле-Прела прославился своим неудовольствием по поводу распространения в Болонье народного театра. Когда он только прибыл туда, чтобы взять в руки бразды архиепископства, весь город только и говорил, что о сенсационных номерах мисс Эллы – американки, выступавшей в ослепительном Театро дель Корсо. Болонцы были в полном восторге от потрясающих акробатических трюков, которые она исполняла – причем с изяществом балерины, – прямо на спине скачущей лошади.²⁶ Кардинал наверняка хмурился, слыша об этом.

Некоторое представление о той суровой ортодоксии, за которую ратовал архиепископ, можно получить, ознакомившись с его ежегодными «пастырскими посланиями». В письме, которое он разослал всем священникам епархии, чтобы те зачитали его своим прихожанам на Рождество 1858 года, он разъяснял свой взгляд на церковное учение. «Нет, – увещевал Вьяле-Прела свою паству, – земная жизнь дарована нам не для того, чтобы мы наслаждались радостями мира сего – радостями, каковые отчуждают нас от Господа, развращают сердце,

²⁴ Борьба между консервативным крылом церкви в Болонье и церковниками, более открытыми реформам, испытывала воздействие параллельной борьбы, происходившей в то же время во Франции. См. Aldo Berselli, «Le relazioni fra i cattolici francesi ed i cattolici conservatori bolognesi dal 1858 al 1866», *Rassegna storica del Risorgimento*, 41 (1954): 269–281. См. также Rodolfo Fantini, «Sacerdoti bolognesi liberali dal 1848 all'unità nazionale», *Bolletino del Museo del Risorgimento di Bologna*, 5 (1960): 451–484, и Fantini, «Un arcivescovo Bolognese nelle ultime vicende dello stato pontificio: il Card. Michele Viale Prelà», *Pio IX* 2 (1973): 210–244.

²⁵ Alfredo Testoni, *Bologna che scompare* (1905), p. 119; Oreste F. Tencajoli, «Cardinali corsi: Michele Viale Prelà», *Corsica antica e moderna*, 4–5 (1935): 148.

²⁶ Bottrigari, *Cronaca*, vol. 2, p. 363.

помрачают наше разумение, подавляют нашу волю. Радости сии, увы, лишь порождают смятение, злобу, соперничество, ревность, приносят страдание и несчастье”.

В том же послании, приуроченном к концу года, архиепископ особо отмечал, что нет человеческой заслуги выше и благороднее, чем стремление завоевать души неверующих и обратить их к благодати Иисуса Христа путем крещения. При этом он ни словом не обмолвился о случае, который произошел здесь, рядом, хотя в то время, когда появилось это письмо, споры о крещении и похищении Эдгардо Мортары велись весьма широко и громко.

Миссионерская программа, изложенная в послании архиепископа, не была направлена на немногочисленных болонских евреев, но исходила из тех же богословских постулатов, которые стояли за похищением мальчика. Как только Вьяле-Прела прибыл в Болонью, он начал искать способы взять под миссионерское крыло всех детей вверенной ему епархии, потому что его тревожило прискорбное нравственное состояние молодежи. Он ясно видел: здешние дети остро нуждаются в религиозном воспитании. И начал делать первые шаги в этом направлении уже вскоре после приезда. А в письме, разосланном всем приходским священникам епархии в сентябре 1858 года, то есть через три месяца после того, как забрали Эдгардо, Вьяле-Прела дал понять, что ждет от всех приходов участия в своей инициативе.

Это письмо рассказывало пастве о варварском обычае бросать детей, бытующем в Китае, и напоминало, что подобные вещи часто случаются среди других нехристианских народов мира. “Этот омерзительный обычай столь широко распространен среди этих кишаших орд, – писал архиепископ, – что мы видим сотни тысяч несчастных младенцев, которые вскоре после рождения тонут в море или в реках, или их пожирают звери, или давят кареты и топчут лошади”. Он призывал каждого ребенка в округе вносить еженедельный посильный вклад в дело церкви, стремящейся спасти нежеланных детей. Если церковь сможет вовремя их найти, то спасены будут не только их жизни, но “в придачу их ждет духовное возрождение благодаря водам Святого Крещения, и если даже им суждено умереть в раннем детстве, они обратятся в ангелочков и улетят на небеса, а если они выживут, то будут воспитаны в истинной вере и им суждено будет нести свет христианства в те земли, что ныне погрязли в богомерзком и глупом язычестве... О, какое благословение пошлет Господь нашим семьям, чьими стараниями эти ангелы отправятся на небеса!”²⁷

Архиепископ внес свой скромный (хотя необычный) вклад в победное обращение языческих душ в том же году, когда Эдгардо изъяли из семьи. Эта победа принесла ему особенное удовлетворение, потому что одновременно он нанес удар той самой “публичной непристойности”, которую всячески старался обуздать. Один из многочисленных бродячих цирков, переезжавших в Италии из города в город, остановился в Болонье и показывал представления с дикими зверями и прочими “чудесами”. Среди его самых ярких достопримечательностей был и чернокожий юноша, которого выдавали за настоящего живого каннибала. Он появлялся в звериных шкурах и действительно очень походил на дикаря. Слухи о цирковом “людоеде” дошли до архиепископа, и тот велел доискаться до правды. “Каннибалом” оказался неграмотный 16-летний паренек. Выяснилось, что он в самом деле родился в Африке и был некрещеным. Чтобы отобрать мальчишку у его французских хозяев (эта цирковая труппа приехала из Франции), архиепископу пришлось выкупить его, заплатив циркачам внушительную сумму.

Затем мальчика отправили в местный церковный интернат, где сначала познакомили с учением католической религии, заставили пройти катехизис, а затем крестили. Следующим летом, в 1859 году, архиепископу нанес неожиданный визит управляющий французского

²⁷ Два документа, написанные Вьяле-Прела в 1858 году, – это “Lettera pastorale al clero e popolo della città e diocesi di Bologna”, отпечатанное Болонской архиепископской типографией, и “Circolare ai RR. Parrochi di Città, e Diocesi. Intorno alla S. Infanzia”; оба документа хранятся в ААВ-Н. Есть какая-то горькая ирония в словах кардинала, называющего обычай выбрасывать младенцев языческим, потому что в ту пору в Италии такой обычай практиковался очень широко. См. David I. Kertzer, *Sacrificed for Honor* (1993).

цирка. Похоже, лишившись своего самого экзотического аттракциона, цирк начал нести большие убытки, однако на все просьбы вернуть “каннибала” архиепископ отвечал твердым отказом. Молодой неофит – наделенный (по словам священника, которому поручили его перевоспитание) мягким и послушным нравом – уже поступил в услужение к одному из самых прославленных болонских семейств.²⁸

Появление Вьяле-Прела стало подарком для деморализованного сообщества болонских католиков-консерваторов. Одной из его наиболее амбициозных инициатив стало учреждение газеты *L'osservatore bolognese* (“Болонский наблюдатель”), главной задачей которой стала борьба с широко распространившимися либеральными идеями. Первый номер этого еженедельника вышел 9 апреля 1858 года, за два с половиной месяца до того, как в дом Мортары явился фельдфебель Лючиди. А первая статья, затрагивавшая дело Мортары, появилась в печати лишь в начале октября, когда газета разразилась негодованием по поводу тех масштабных протестов, которые похищение Мортары вызвало по всей Европе и даже за ее пределами. В статье, озаглавленной “Еврей из Болоньи”, сотни критических материалов, посвященных этому делу, именовались “выдумками, небылицами, наглой ложью и богохульством”, а газеты, где они публиковались, назывались “безбожными, еретическими, иудейскими”.²⁹

Дабы вдохнуть в горожан новое религиозное рвение, архиепископ организовал миссионерскую деятельность во всех приходах своей епархии. Делая такой шаг, он присоединялся к более широкому движению, которое в ту пору захлестывало всю католическую Европу. Искусные церковные ораторы – чаще всего иезуиты – разъезжали из прихода в приход, устраивая короткие собрания для пламенных проповедей и совместных молитв. Среди критиков Вьяле-Прела и так ходили толки о чрезмерной симпатии кардинала к иезуитам, и такая репутация лишь укрепилась, когда он примкнул к этой миссионерской кампании, начавшейся в апреле 1857 года и опиравшейся в первую очередь на иезуитов. Приступив к выполнению задачи – обращать в свою веру и нести духовное обновление, иезуиты повадились посещать одну за другой приходские церкви города. Взгляды болонских либералов на эту кампанию коротко отразились в дневнике Боттригари: иезуиты, писал он, распространяют “идеи, которые не просто ретроградны, но и абсолютно враждебны гражданскому и нравственному прогрессу народа”.³⁰

Не успел архиепископ затеять свою духовно-обновленческую кампанию, как пришло волнующее известие: сам папа римский решил совершить поездку по своим дипломатическим миссиям, и целых два месяца он собирается провести в Болонье, желая продемонстрировать всему миру, как любят его подданные и как поддерживают сохранение папской власти над их землями.

Идею подобного большого путешествия выдвинул папский государственный секретарь. Кардинал Антонелли не просто надеялся упрочить внутреннюю поддержку папского режима в легациях: его тревожило шаткое дипломатическое положение Святейшего престола. Годом ранее, в 1856-м, главы крупнейших европейских держав встречались на Парижском конгрессе, и там они слышали официальные протесты от народа Болоньи и остальных территорий легаций. Податели петиции обвиняли папский режим в административной несостоятельности, плохом финансовом управлении и неспособности обуздать вопиющее беззаконие. Лишь присутствие австрийских войск, утверждали авторы петиции, удерживает недовольных подданных папы от открытого восстания. Прелаты уже не в состоянии ничем управлять; эти территории следует освободить от папского ига. На том же конгрессе граф Камилло Кавур, представлявший королевство Сардинии, выступил за скорейшее присоединение Модены и Пармы к Пье-

²⁸ Fantoni, *Della vita*, p. 125, AAB-AC, b. 151, protocollo n. 231, 1859.

²⁹ “*L'ebreo di Bologna*”, *L'osservatore bolognese*, 1 октября 1858 года, с. 2.

³⁰ Энрико Боттригари, цитируется в Tencajoli, “*Cardinali corsi*”, p. 148.

монтскому государству, а также за вывод австрийских войск с территории Апеннинского полуострова.

Папу задели и эти нападки, и упреки, высказанные английскими и французскими делегатами конгресса: они обвиняли правительство Ватикана в некомпетентности, которая привела к многолетней оккупации дипломатических миссий австрийскими войсками. Кроме того, Пия IX тревожило национальное движение за объединение Италии, которое, по всем признакам, заново набирало силу на полуострове. Как раз в 1857 году было создано Итальянское национальное общество с базой в Турине, имевшее своей целью объединение разрозненных итальянских областей в единое монархическое государство под властью Виктора Эммануила II, короля Сардинии.³¹

Разумеется, сама эта идея – снарядить караван для государя, чтобы он мог лично благословить своих подданных, живущих в самых дальних уголках его владений, – стара как мир. Традиционный королевский объезд с давних пор служил любимым способом “продемонстрировать скептикам верховную власть”, как удачно выразился Клиффорд Гирц.³² В памяти папы был свеж и совсем недавний пример: в начале того же 1857 года австрийский император Франц-Иосиф лично посетил своих беспокойных подданных в Ломбардии и Венеции. В общем, смысл такой поездки состоял в том, чтобы вызвать народное ликование во всех подконтрольных папе землях и убедить Англию, Францию и Пьемонт в прочности его власти.

Болонья должна была стать главным пунктом турне Пия IX, и архиепископ, кардинал-легат и местное австрийское командование изо всех сил готовились к приезду папы, чтобы придать событию подобающую пышность. Австрийский генерал предложил развернуть посреди Пьяцца Маджоре тяжелую артиллерию, чтобы нагнать страху на потенциальных смутьянов во время визита его святейшества, однако церковные власти, отлично понимая, какое неблагоприятное впечатление может произвести на папу такое зрелище, убедили его найти менее заметное место для своих пушек.

Въезд Пия IX в Болонью вечером 9 июня был обставлен довольно торжественно. Возглавляла процессию красивая, запряженная лошадьми карета, где сидел сам папа, а перед ней по древней римской дороге, Страда Маджоре, скакали армейские трубачи и громогласно возвещали о скором прибытии понтифика в город. Карету его святейшества окружал конвой из аристократов: с одной стороны ехал высокопоставленный чин папской жандармерии, с другой – важный австрийский чиновник. За экипажем следовал внушительный кортеж из генералов в полной парадной форме, а за ними – кареты со знатными лицами из папского двора. Следом, растянувшись длинной вереницей по дороге, ехали коляски с местными аристократами, которые явились поприветствовать папу.

Приблизившись к городу, то и дело кренившаяся процессия подъехала к триумфальной арке, сооруженной специально для этого случая и украшенной полотнищами, где накладывались друг на друга цвета болонского и папского флагов. Там экипажи остановились, и папу приветствовала делегация городской знати. Высокому гостю вручили ключи от города, лежавшие на бархатной подушке. Пий IX взойшел на подготовленный для него роскошный трон рядом с аркой и благословил собравшихся сановников. Затем он снова сел в карету, где его дожидались архиепископы Феррарский и Пизанский. Папская процессия двинулась дальше, проехала под большими воротами Порты Маджоре и вступила в город, где улицы были украшены яркими знаменами и нарядными полотнищами. Наконец, папский экипаж остановился возле болонского собора, и кардинал Вьяле-Прела лично подал папе руку, помогая выйти. Они вместе вошли в церковь, где их приветствовали четырнадцать епископов.

³¹ Marcelli, “Le vicende politiche”.

³² Clifford Geertz, “Centers, Kings, and Charisma”, в J. B. Davis and T. N. Clark, eds., *Culture and Its Creators* (1977), p. 162.

Какое впечатление приезд папы произвел на рядовых болонцев, сказать трудно. Многочисленные елейные отчеты о его триумфальном посещении города, опубликованные церковью по следам того визита, живописуют трогательную картину всенародного трепета и преклонения. Согласно одному из типичных образчиков этого житийного жанра, на улицах толпились горожане: “оживленные, воодушевленные, счастливые, они простирались ниц при виде папского экипажа в знак религиозного благоговения”. Далее автор отчета говорил, что люди вели себя “как дети, которые радостно тянутся к отцу и, как только могут, выражают восторг”. Появление “нескольких недовольных душ, которые попытались омрачить всеобщую радость” было упомянуто с горечью и уподоблено прискорбному, но нередкому присутствию – даже в лучших семействах – невоспитанного дитяти.³³

Энрико Боттригари, который тоже был очевидцем событий того вечера, рисует совершенно иную картину. “На лицах толпы, – записал он, – читалось скорее любопытство, нежели благоговение, и уж тем более не ликование”.³⁴

Вечер продолжали все новые ослепительные и оглушительные церемонии. Отслужив мессу в соборе, собравшееся духовенство явилось на Пьяцца Маджоре, где играло множество военных и гражданских оркестров. Празднества продолжались достаточно долго, чтобы папа, стоя на балконе над главной городской площадью, успел благословить своих подданных. За этим последовал внушительный парад: по площади проехали австрийские военные на лошадях, украшенных цветными фонарями и факелами. Зрелище пришлось папе по душе: он довольно улыбался, выглядывая из окна с застывшей в благословляющем жесте рукой.

Хотя правительственные учреждения в Риме и запретили любые намеки на протест в городах, лежавших на пути следования папы, в Болонье папским чиновникам поступила петиция с жалобами, подписанная сотней виднейших горожан. Однако план вручить петицию лично его святейшеству прямо во время визита потерпел неудачу.³⁵

И все же, находясь в Болонье, папа встретился с несколькими видными критиками его правления – с людьми, которые просили его, пока не поздно, провести реформы в Папской области. В числе этих людей был граф Джузеппе Пазолини, которому спустя несколько лет предстояло войти в кабинет нового итальянского правительства. Однако в ту пору папа считал его своим верным другом. Действительно, в 1848 году граф недолгое время служил министром торговли в папском правительстве. Встреча прошла очень эмоционально: казалось, два светила старого мира с опаской смотрят в будущее.

Пию IX было больно услышать от Пазолини, что он, папа, совершает роковую ошибку, не желая идти на компромиссы, и сам невольно подыгрывает революционерам, вознамерившимся свергнуть старый строй. В конце этой злополучной встречи расстроенный и расчувствовавшийся папа, весь в слезах, спросил: “Так значит, граф, вы меня покидаете?” – “Нет, ваше святейшество, – отвечал Пазолини, – это не мы покидаем вас, это вы нас оставляете”.³⁶

Пока папа находился в Болонье, монахи из Сан-Доменико пригласили его к себе на празднование Дня святого Доминика 8 августа. И сами доминиканцы, и отец Фелетти – до недавних пор приор этого монастыря, а также его давний инквизитор – несказанно обрадовались, когда услышали, что папа согласился к ним пожаловать.

Доминиканская братия вдвойне обрадовалась его визиту, потому что надеялась заручиться его помощью. С тех пор как в конце прошлого столетия наполеоновская армия выдворила монахов из церкви и монастыря, им удалось вернуть себе лишь часть своей бывшей обширной недвижимости. К несчастью для монахов, как раз напротив расположился военный

³³ *Pio Nono ed i suoi popoli nel 1857* (1860), pp. 430, 440. Другой образец этого репортажного жанра можно найти в: *Albo a memoria dell'augusta presenza di Nostro Signore Pio IX in Bologna* (Bologna, 1858).

³⁴ Bottrigari, *Cronaca*, vol. 2, pp. 377–378.

³⁵ Caravale e Caracciolo, *Lo stato pontificio*, p. 700.

³⁶ Giacomo Martina, *Pio IX, 1851–66* (1986), p. 28.

штаб австрийского гарнизона, расквартированного в Болонье, и значительная часть доминиканских строений оказалась превращена в казармы для солдат.

После торжественного богослужения в честь основателя ордена доминиканцы устроили папе экскурсию по своей библиотеке. Некогда она была одним из лучших книгохранилищ в Италии, но в результате наполеоновских грабежей прискорбно оскудела. Мало того что множество книг похитили французы, значительная часть оставшихся фондов была изъята, чтобы пополнить собрание муниципальной библиотеки Болоньи. После этой экскурсии монахи проводили своего гостя на торжественный прием в его честь. Там они попросили его убрать австрийские войска из их монастыря.

Желая выказать папе признательность, отец Фелетти и другие высокие монастырские чины подарили его святейшеству красивую раку с частицей мощей святого Доминика. Это был самый драгоценный дар, какой только они могли ему преподнести. Хотя в монастыре Сан-Доменико имелось немало сокровищ, наибольшую ценность в глазах братии имели святыни мощи отца-основателя доминиканского ордена.³⁷

Пий IX принял дароносицу с благодарностью, ибо сам с трепетом относился к святыням и искренне верил в могущество духовной сферы. Через два года желание доминиканцев исполнится: всех австрийских военных вытеснят из принадлежавших им монастырских зданий, хотя совсем не при таких обстоятельствах, какие они, вероятно, рисовали себе в то славное августовское утро.

Через неделю Пий IX покинул Болонью. Его старый друг граф Пазолини так описывал эту сцену: “Трогательный и одинокий отъезд. Видно было, как из двери папского экипажа высывается рука Пия IX и благословляет немецких солдат, которые, замерев по стойке смирно в одной шеренге, берут на караул. Больше на дорогах не было ни души”.³⁸

³⁷ Охранять это священное сокровище было нелегко, потому что из века в век целый ряд властителей желал приобщиться к божественной благодати, заключенной в святых мощах. В конце XVII века монахи ответили отказом великому герцогу Тосканскому, Козимо III Медичи, когда тот попросил кусочек святого черепа. Тогда, решив заполучить частицу мощей святого Доминика без позволения монахов, великий герцог заручился помощью своего брата кардинала, и тот в итоге убедил папу Иннокентия XII оказать давление на монахов, чтобы те удовлетворили желание великого герцога. В результате в одну январскую ночь 1699 года в присутствии делегации из болонского сената профессор анатомии и два хирурга вскрыли священную усыпальницу в Сан-Доменико. Слегка отклонившись от папского приказа, они решили не откалывать кусок от самого черепа и, к облегчению братьев-доминиканцев, просто выдернули из челюсти задний правый коренной зуб. Но и это не стало последним покушением на кости святого Доминика. В 1787 году, несмотря на возмущение и протесты доминиканцев, им пришлось отдать кусочек святого черепа по требованию герцога Пармского, которого одолела духовная жажда. См. Alfonso D’Amato, *I domenicani a Bologna*, vol. 2 (1998), pp. 630–635, 798–801, 951–952. О визите папы в Сан-Доменико также см. Abele Redigonda, “Lo studio domenicano di Bologna”, *Sacra dottrina*, 2 (1957): 134–135.

³⁸ Martina, *Pio IX*, pp. 27–28. Слова Пазолини про немецких солдат отражают распространенное в тогдашней Болонье народное представление о том, что немцы и австрийцы, по сути, одно и то же. Но в действительности все обстояло еще сложнее, потому что среди тех солдат было очень мало собственно австрийцев или немцев в национальном или этническом смысле. Если офицерский корпус австрийских войск состоял преимущественно из австрийцев, то рядовой состав в подавляющем большинстве набирался из различных дальних областей Австрийской империи, т. е. там служили хорваты, венгры и т. д.

Глава 4

Дни отчаяния

В пятницу, 25 июня 1858 года, на следующий день после того, как шестилетний Эдгардо уехал из родного дома на руках у полицейских в карете, покотившейся по булыжным улицам Болоньи, Момоло все еще пребывал в растерянности. Он не понимал, кто же все-таки крестил его сына, когда это произошло и откуда об этом узнал инквизитор. Он лишь знал (как ему казалось), что сын по-прежнему находится где-то в Болонье, скорее всего – в самом монастыре Сан-Доменико. Перед тем как фельдфебель Лючиди забрал Эдгардо, друг Момоло Витта потребовал у офицера расписку за мальчика. В записке, оставленной Лючиди, говорилось: “Я получил и забрал у с-ра Момоло Мортары его сына Эдгардо 7 [*sic*] лет от роду, которого по повелению святого отца главного инквизитора надлежит доставить в монастырь”.³⁹

Теперь у Момоло оставалась единственная надежда – поговорить с отцом Фелетти. Момоло вспомнил его совет – собрать одежду для сына, и хотя инквизитор сказал тогда, что пришлет кого-нибудь за детскими вещами, Момоло решил, что лучше самому отправиться в монастырь и попробовать разузнать что-нибудь про мальчика.

После завтрака он подготовил небольшой узел с одеждой – ведь у Эдгардо было с собой только то, в чем его увезли, – и попросил свояка, Анджело Москато, еще раз сходить вместе с ним в Сан-Доменико. Когда они подошли к ухоженному церковному двору, послушник-доминиканец сообщил им, что отца Фелетти сейчас нет, и посоветовал прийти завтра. На следующее утро, когда они вернулись, снова с узлом вещей для Эдгардо, их провели к инквизитору.

Отец Фелетти принял их благосклонно, но заявил Момоло, что принесенная одежда его сыну все-таки не понадобится. Инквизитор сообщил, что у Эдгардо все хорошо, но где именно находится сейчас мальчик, сказать не пожелал. “Я поручил вашего сына, – заверил он Момоло, – заботам человека, который сам хороший семьянин. На него можно смело положиться, он будет обращаться с Эдгардо по-отцовски”. Момоло не узнал одного – что хорошим семьянином, о котором шла речь, являлся человек, с которым он недавно познакомился, а именно бригадир Агостини.

Больше ничего Момоло и его свояк от инквизитора не добились и удрученно вернулись домой, а вскоре друзья и соседи принесли им известие о том, что кто-то видел, как карета, забравшая Эдгардо, неслась прочь из города. Значит, мальчика все-таки повезли не в Сан-Доменико.

Момоло был потрясен. Его жена Марианна, как рассказывали некоторые, находилась на грани безумия. Слишком хорошо они понимали, какая их постигла судьба. Ведь произошло именно то, чего всю жизнь больше всего боялись они сами, их родственники и друзья-евреи.

Как только еврейского ребенка крестили, в глазах церкви он немедленно переставал быть евреем и ему нельзя было оставаться с родителями-иудеями. Католическое богословие рассматривало крещение как обряд, установленный самим Иисусом; его последствия наступали немедленно и были необратимы. Пройдя крещение, человек становится частицей мистического тела Христова, а значит, приобщается к истинной церкви. Крещение избавляет от первородного греха и всех прочих грехов, совершенных до сих пор, и позволяет сподобиться радостей вечной жизни. Для совершения обряда не требуется ничего особенного. Нужно всего лишь сбрызнуть голову крестимого водой и произнести слова: “Крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа”. Хотя лучше использовать для этого освященную воду, крещение имеет силу

³⁹ ASCIR, датировано 24 июня 1858 года.

независимо от того, какую воду для него взяли. При обычных обстоятельствах обряд совершает священник, однако крестить может любой человек, лишь бы у него имелись соответствующие намерения. Более того, обряд крещения может совершить не только любой мирянин, но даже и человек, который сам не является христианином.⁴⁰

⁴⁰ См. статью *“Battesimo”* [“Крещение”] Джузеппе Рамбальди и др. в *Enciclopedia Cattolica* (1949), т. 2, с. 1003–1046. В этой статье также отмечается, что “детей некатоликов, если им грозит смерть... до достижения разумного возраста допустимо крестить даже против желания их родителей” (с. 1031). То, что позиция, которую занял папа Пий IX в деле Мортары, полностью согласуется с тогдашней политикой церкви, становится очевидным при беглом взгляде на компендиум церковных доктрин, выпущенный пятнадцатью годами ранее, в *Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica* (1843) Гаэтано Морони Романо. В статье *“Ebrei”* [“Евреи”] в т. 21 (с. 21), в разделе о крещении еврейских детей, приводятся пять основных пунктов: 1. Что церковь никогда не имела обыкновения крестить их без родительского разрешения. 2. Что без такового разрешения можно найти только два повода для крещения: когда жизнь ребенка находится в крайней опасности и когда родители бросили ребенка. 3. Что крещение, совершенное в отсутствии допустимых обстоятельств, тем не менее остается действительным. 4. Что детей, крещенных в подобных случаях, не следует возвращать родителям-иудеям, а следует воспитывать у христиан в католической вере. 5. Что для доказательства того, что они истинно крещены, достаточно одного-единственного свидетеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.